Ильин Л.
"Восстание
2-го Урупского
казачьего пол-
ка в 1905 г."
Ростов-на-Дону
1926.

Л. ИЛЬИН

ВОССТАНИЕ УРУПСКОГО ПОЛКА В 1905 ГОДУ

„СЕВКАВКНИГА“

ИСТПАРТ СЕВ.-КАВ. КРАЙКОМА РКП (б) И КОМИССИЯ ПРИ СЕВ.-КАВ. КРАЙИСПОЛКОМЕ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ЮБИЛЕЯ 1905 Г.

Л. ИЛЬИН

ВОССТАНИЕ 2-го УРУПСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА В 1905 ГОДУ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ КРАЕВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВКАВКНИГА»
РОСТОВ-ДОН ∴ 1926

Отпечатано
в Главной типографии
Северо-Кавказского Краевого
Издательства «Севкавкнига»
(Краснодар, Красноарм. 39)
в декабре 1925 года
Издание № 368.

Кубокрлит № 587. Заказ № 34 бр. Тираж 5.000 экз.; 5 п. л.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Если бы движение 2-го Урупского конного полка было бы единичным случаем в первой Российской революции 1905 года, то оно являлось бы своего рода сенсацией, но так как революционная зараза коснулась многих частей царской армии и флота, и брожение часто доходило до серьезных бунтов, — перед читателем невольно встанет вопрос: почему не посвящаются отдельные книги серьезному движению, например, 4-го Несвижского полка, или 2-го гренадерского Ростовского полка, или 250-й Кавказской запасной дивизии и т. п.? На территории Кубанской области, где произошло восстание Урупского полка, были сильные движения еще в нескольких частях, а между тем Урупскому полку мы уделяем особое внимание.

Революционная волна, вызванная хищническим хозяйничанием самодержавно-помещичьей власти и безмерно издевательской над народом политикой, достигшей кульминационного пункта в русско-японской войне, не могла миновать также народных масс, находившихся в армии и флоте. Достаточно было знать, что 200 тысяч молодых жизней погибло только потому, что этого хотела свора палачей с Николаем Кровавым во главе; наблюдать за бездарностью и продажностью царских генералов, обменивавших народную кровь на звонкую монету; думать о том, что после всех ужасов войны дома солдата ждет прежнее бесправие, рабство и нищета, увеличенная новыми налогами, чтобы измученная, озлобленная армия и флот, несмотря на палочную дисциплину, заговорили бунтовщическим языком.

Это настроение росло по мере того, как развивалось революционное движение рабочих и крестьян, и солдатам приходилось играть роль палачей своих отцов и братьев.

Флот, обслуживаемый, главным образом, более сознательными и организованными элементами — фабрично-заводскими рабочими, — волновался сильнее; крестьяне, находившиеся в пехоте, — слабее, но все же вооруженный винтовкой трудящийся вооружался сознанием необходимости борьбы с деспотией.

Казачество же, давно служившее самым верным орудием в руках царизма против народного восстания, решившееся на

выступление против существовавших порядков, — явилось сюрпризом для революции.

Не только из-за «скверной каши», как некоторые полагают, взбунтовался 2-й Урупский полк. Причину этого бунта нужно искать в социальном положении казаков. Казак, несмотря на то, что царское правительство всячески старалось поставить его в хорошие материальные условия, все же помещиком не был, а являлся, хотя и зажиточным, да и то не всегда, крестьянином-хлеборобом. И если казака можно было настроить против крестьянина, то отнюдь не потому, что он последнего считал конкурентом и врагом, а потому, что его дурачило и обманывало его начальство. Нужен был сильный удар по голове начальства, начиная от царя и кончая наказным атаманом, чтобы казак мог начать жить своим разумом.

1905 год дал первый сильный удар по начальству, и казаки сделали первые шаги в сторону народа.

Новый путь, путь сотрудничества с рабочими и крестьянами, у казаков подготовлялся долго, но им пришлось раньше пройти все испытания революции 1905 года, империалистической и гражданской войн, ближе познакомиться с физиономией своих атаманов, чтобы окончательно порвать со старым, преступным миром, который вел их на преступления против народа.

Этой книжкой мы делаем попытку показать этот начальный этап перехода части казаков на сторону народа и, если это нам удастся, то книжка, надеемся, заслужит некоторого внимания со стороны читателя.

Материалами для данной работы служили собранные Истпартом Кубанского Окружного Комитета РКП (б.):

1) архив кубанского жандармского управления с протоколами опросов свидетелей по судебному делу урупцев, 2) копия обвинительного акта тифлисского военно-окружного суда, 3) воспоминания временного командира восставшего полка А. С. Курганова, 4) статья т. Чирцева.

Считаем необходимым предупредить, что архив военно-окружного суда, судившего урупцев, нам, к сожалению, не удалось розыскать и возможно, поэтому, что некоторые подробности движения нами упущены.

ВВЕДЕНИЕ.

К появившемуся в 1904 году манифесту о «нападении» японцев на наше отечество, большая часть населения отнеслась с полным доверием. Широкие массы не знали действительной причины надвинувшейся грозы. Для крестьян, для армии, отчасти и для рабочих, Япония являлась какой-то неведомой страной, населенной желтыми людьми с косыми глазами — «азиятами», от которых можно ожидать повторения татарского нашествия.

Как известно, причина войны заключалась в лесных концессиях на реке Ялу. Концессии эти принадлежали царю, великим князьям, царскому сатрапу адмиралу Алексееву и некоторым другим высокопоставленным лицам. Война была также выгодна некоторым капиталистам, но, конечно, не народным массам.

Об'явить войну Японии было несколько неудобно, не хотелось показать ее действительные причины, неудобно было откровенно использовать армию, десятки тысяч людей и много миллионов денег в интересах какого-нибудь десятка богачей. К тому же Николаю Романову, очевидно, хотелось оставить при себе патент «миротворца». Оставалось одно: заставить Японию первой об'явить войну России и стать в положение защищающихся.

Что и было сделано.

Несмотря на этот маневр, несмотря на то, что царский манифест призывал верноподданных сынов защищать родину от нападающего коварного врага, русско-японская война с самого начала ее возникновения, не встретила широкого патриотического настроения. Рабочие, в большинстве своем, враждебно относились к войне, ибо многие из них знали подлинного ее виновника, знали, что пользу от нее могут получить только министры, да князья с царем, знали, что их положение после войны еще более ухудшится; кроме того, лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», подсказывал им не убивать своих братьев, независимо от их национального происхождения, тем более, что никакого зла они друг другу не делали.

Могло ли крестьянство, хозяйство которого с каждым годом все больше и больше разорялось, хотеть войну, которая неминуемо должна была увеличить бремя налогов, и так висящих

на нем непосильной тяжестью? Могло ли крестьянство надеяться на получение земли в случае победы над японцами, когда пустующие земли Сибири оно не могло получать, ибо государство не давало средств на переселение? Хотело ли крестьянство посылать своих кормильцев-братьев, сынов и мужей в далекую Манчжурию на верную гибель?

Конечно, нет.

Несмотря на то, что его на время удалось убедить в том, что японцы на нас напали и что мы вынуждены защищаться, крестьянство было бы более радо спокойной, мирной работе в своем хозяйстве.

Но не по желанию солдат и матросов царское правительство посылало их на фронт; их не спрашивали, хотят они или не хотят проливать свою кровь за царские концессии. Кнутом погнали «серую скотину» на великий убой.

Отчасти серое состояние солдат, отчасти свирепая дисциплина бросили русскую армию на Дальний Восток.

При умелом ведении и подготовленности к войне, большинство русских солдат, возможно, до конца твердо помнило бы вбитую в их голову офицерскими сапогами идею «защиты царя и отечества до последней капли крови», но с самого начала этой подлой авантюры, русское правительство воочию обнаружило всю свою слабость и неподготовленность, всю распатанность и гнилость своего государственного аппарата.

В первом серьезном морском бою из 12 судов семь сразу вышло из строя, оставалось пять боевых единиц против 15 японских.

Черноморский флот нельзя было послать на помощь,—этого не разрешала Англия и Турция на основании Берлинского договора 1878 года, да к тому же он и не годился для дальнего плавания. Послать Балтийский флот — значило оставить Петербург без защиты. У японцев же в морском бою было то преимущество, что у них имелись хорошие порты и огромные запасы угля и боевых припасов. У нашего же флота всего этого там не было.

Защита Манчжурской дороги на расстоянии 3 тысяч верст и длинной береговой линии, разбила армию на мелкие куски, что требовало много солдат, а в начале войны мы там имели всего 180 тысяч человек. Для переброски же нескольких сот тысяч человек, за тысячи верст, нашим хромым транспортом, требовалось много времени, а, между тем, японцы не ждали и били наши войска немилосердно.

Не меньшую, если не большую, трудность представляла поставка провианта и других припасов к месту военных действий, если принять во внимание, что каждому вагону нужно было целых три месяца для того, чтобы обернуться туда и обратно. Япония сразу смогла выставить 400-тысячную армию,

которую она могла быстро пополнять, в случае надобности, и легко также могла ее снабжать необходимыми для успешного ведения войны припасами. Перед русскими солдатами невольно вставал вопрос: что сделало самодержавие для обеспечения победы? Почему царские министры заранее не предвидели всех трудностей и не приняли мер к их облегчению? Если ничего не подготовлено для войны, зачем безумные траты многих миллионов народных денег, так необходимых на хозяйственные и культурные нужды? Если не приняты меры для обеспечения необходимых условий для ведения войны и японцы нас разобьют, зачем десятки тысяч жертв?

Поражение следовало за поражением. Кровь народная заливала восточные степи, чем дальше, тем больше. Не видно было конца безумной бойне...

Но все же конец наступил... Оставшиеся в живых солдаты рвутся на родину, скорее в родные села к женам, детям и матерям, к своему хозяйству, еще больше пришедшему в упадок вследствие отсутствия молодой рабочей силы, проведшей полтора года на Дальнем Востоке. Армия озлоблена, и озлобление ее все растет...

А между тем, царское правительство и не думает о демобилизации.

Уж японец давно перестал быть врагом, зато у «отечества» появился еще более страшный враг — сам народ русский.

Рабочие бастуют и создают свои органы власти — советы депутатов. Деревня бунтует, пускает «красного петуха», делит барское добро и местами самовольно захватывает помещичьи земли. Народ об'явил войну своим палачам. Революция наступает семимильными шагами.

Что «макаки» (так называли японцев), что Цусима, что Порт-Артур!.. Все эти несчастья для царского правительства — игрушка в сравнении с грозной силой народной революции.

Армия, сражавшаяся против «напавших» на Россию японцев, направляется против рабочих и крестьян России, напавших на отечество, т.-е. на царскую шайку головорезов. Штыки, прокалывавшие тела японских солдат, направляются в грудь восставшего против своих угнетателей народа. Орудия, действовавшие против японских крейсеров, теперь направляются на бунтующую русскую деревню. Мало пролито рабоче-крестьянской крови за царские леса и прибыли, нужна еще кровь за благополучие и невредимость помещичьих имений. Мало убито и искалечено японских солдат, шедших на войну тоже по воле своих царей и министров, нужны еще тысячи жертв своих родных братьев, отцов и сыновей. Измученного, истерзанного солдата заставляют подавлять народную революцию, которая стремится положить конец гнету и произволу помещиков, дабы не повторялись новые японские войны с новыми

тысячами жертв, с новым разорением народного хозяйства. По одному желанию кучки негодяев, его заставляют стать палачом своего собственного народа и собственного благополучия.

Русско-японская война многому научила солдата. Труднее стало убедить его в необходимости бороться с «внутренними врагами», как раньше с внешними. Армия почувствовала, что дело революции — ее собственное дело, что рабочие, оставшиеся на фабриках, заводах и рудниках, крестьяне в деревнях и селах добиваются лучшей жизни для всех трудящихся, в том числе и для тех, которые в настоящее время по воле начальства носят серые шинели и работают орудиями смерти.

Армия не хотела больше расстреливать мирные шествия стариков, женщин и детей, как в кровавое воскресенье 9-го января — она начала переходить на сторону народа.

То в той, то в другой воинской части начинается брожение. Солдаты перестают повиноваться своим офицерам, отказываются от исполнения полицейских обязанностей, присоединяют свои голоса к требованию всего народа, — требованию политической свободы.

Были бунты в гарнизонах Киева, Елисаветполя, Проскурова, Курска, Москвы, Иркутска, Ломжи, Армавира, Владикавказа и других городов. Особенно сильным движение было во флоте, обслуживавшемся, главным образом, городскими рабочими — сознательной организованной массой. Здесь дело доходило до восстаний с оружием в руках, как, напирмер, на броненосце «Потемкин-Таврический».

Для царского правительства наступил самый критический момент, ибо, теряя армию и флот, оно теряло всякую защиту от надвигающейся опасности. В борьбе народа с правительством победить может только тот, кого поддерживает армия. Солдаты, рабочие и крестьяне переставали служить кровавому делу правительства.

Последнее могло возлагать все свои надежды в первую очередь на своих послушных телохранителей — казаков.

ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАЧЕСТВА.

Что казачество втечение многих лет служило палачом для народных движений, верным защитником царского произвола против проявления народного гнева — общеизвестно. Но далеко не всем известен исторический ход эволюции его от людей, боровшихся за свободу, до царских «опричников», жестоко подавлявших восстания трудящихся, добивавшихся свободы.

Казачество начинает свой зигзагообразный путь в период прикрепления московским правительством крестьян и посадских людей к месту их жительства. Человек, которому стала

невыносима его жизнь на крепостной цепи, имел перед собой только один путь: побег. Беглых крестьян правительство ловило, строго наказывало и снова прикрепляло к рабскому столбу. Поэтому нужно было бежать куда-нибудь подальше, за границу московского государства. Выручали южные степи по течению больших рек Волги, Дона. Чем сильнее становился гнет, лежавший на низшем классе населения, т.-е. крепостных крестьянах, тем больше их убегало туда, тем больше росло население этих местностей. Рост количества беглых в одних местах давал им возможность об'единиться, составить крепкий боевой кулак и противопоставить свою силу силе московского правительства, когда последнее пыталось вновь прибрать их к своим рукам. Мало того, что они не давали себя в обиду, — эти беглецы, вольные люди или казаки, как их стали потом называть, сами начинают переходить в наступление. Этому способствовала их военная организация, вызванная необходимостью самозащиты и от русского государя и бояр, и от нападения кочующих орд степных хищников, крымских татар и турок.

Их выступления против правительства России наделали последнему много хлопот как в Смутное Время, так и в движении Степана Разина, Емельяна Пугачева и других. Силу казаков, кроме их боевого воинственного нрава, составляло и сочувствие, встречаемое со стороны крепостных крестьян.

Казаки жестоко мстили московским царям за их насилие над порабощенным крестьянством. Для обездоленного и угнетенного крестьянства, борьба казаков с правительством всегда являлась чем-то великим. Для народа казаки не даром являлись «удалыми добрыми молодцами»... Народ смотрел на казаков, как на своих передовых людей, борющихся за свободу всего народа и поэтому их всячески поддерживал...

Описывая движение сторонников Степана Разина, Соловьев в своей истории России так характеризует отношение к нему народа: «Заслышав приближение этих воровских шаек, чернь в городе бросалась на воевод и на приказных людей, впускала в город казаков, принимала атамана вместо воеводы, вводила казацкое устройство».

Воровскими шайками правительство называло казацкие отряды, ибо они покушались на собственность бояр, заключавшуюся в больших земельных участках и тысячах крепостных крестьян. Когда крымское или турецкое правительство жаловалось на казаков, причинявших им убытки периодическими налетами, московское правительство отвечало: «Сами знаете, что на Тереке и на Дону живут воры, беглые люди, без ведома государева, не слушают они никого...»

Казаки были опасными врагами царей.

Но не всегда казачество боролось с царем. Правительству часто удавалось привлекать на свою сторону часть казачества, ибо последнее с течением времени разделилось на неравные части: на богачей, атаманов, помещиков, с одной стороны, средних и мелких казаков, — с другой.

Вольные казаки не знали другого начальства, кроме своих выборных атаманов, без которых сами ничего не предпринимали. Вместе с ними и под их руководством портили они кровь русским царям и царицам, вместе грабили иностранных купцов и русских бояр. Зато и атаманы сначала сами ничего не делали без ведома и согласия своих избирателей.

Однако, чем больше богатств накопляют атаманы, тем самостоятельнее они становятся в отношении казаков. Разные переговоры как с друзьями, так и врагами, в том числе и с русскими царями, ведут атаманы по своему усмотрению. Если царь обещает хорошо заплатить атаману, последний ведет своих казаков туда, куда его посылает правительство. Вольные казачьи отряды отличались внутренней дисциплиной и беспрекословным подчинением своим атаманам. Масса идет за своим вожаком, не сомневаясь, что это выгодно всему войску казачьему, а послы казацкого батька в это время выпрашивают для себя у московского царя грамоты на имения и домогаются, «чтобы в них было специально упомянуто о неограниченных правах их над крестьянами, какие окажутся в этих имениях, или будут ими наново поселены...»

Бывшие крепостные крестьяне, — разбогатевшая верхушка казачества, — заключают союз с крепостниками-помещиками и царем, получают право и возможность самим стать помещиками: обманывая верные им, дисциплинированные казачьи массы, они добиваются богатства и титулов.

Крепнет московское государство, растут казаки богачи; середняки казаки, казаки революционные становятся слугами своих эксплоататоров атаманов и царей.

Если Разин, Пугачев и Булавин погибли, не добившись победы, если Некрасов и другие вожди революционных казаков вынуждены были бросать борьбу с царем и бежать за-границу, то причиной тому служили казачьи верхи, которые продавали царю казаков и их свободу за деньги, крепостных крестьян, за чины, почетные мундиры и дворянские привилегии.

Казаки остались без воли. На них надели хомут неволи. Для успокоения им замазывали глаза мелкими привилегиями, подарками земельных участков «на вечные времена», подарками, которые стоили значительно меньше, чем правительство получало взамен в виде долгой, тяжелой военной службы и верных защитников — палачей для своих братьев-крестьян.

Пускались все средства для того, чтобы убедить казака в его «естественном призвании» — защитника богачей. Кроме мелких подачек, позорная роль казачества об'ясняется системой его воспитания. Вместо своих выборных, у казаков появляются атаманы «наказные», назначаемые царем из тех генералов, которые продавали казацкую волю. Последние делали все, чтобы сохранить казаков в качестве оплота царей и помещиков. Эти атаманы, конечно, были такими «казаками», как сами их господа — цари. Они не могли и не хотели выражать интересов и воли казаков, наоборот, они занимались только одурачиванием их. Казак воспитывался в военном духе еще с детства. С малых лет его учили владеть ружьем и ездить верхом. В школе учитель, в церкви поп, в станице заслуженный старшина поучали мальчиков-казачат, что надо служить царю-батюшке, что их хорошая земля — подарок от царя, что они это всегда должны помнить, не забывать «царской милости» и по первому его зову выступить на защиту его трона. Казачатам внушали, что царь дает тем более, чем лучше за него сражаются, поэтому войны для казаков были желанным делом, с войны можно вернуться и урядником; казак с детства приучался почитать уряднические клички и погоны.

Все эти «воспитательные» средства и привилегии сыграли свою роль в деле закрепощения духа казаков. Но не только этим царское правительство и его прислужники держали в своих кровавых руках рядовых казаков, они сумели также зажечь в их сердцах пламя ненависти к иногородним.

Начальство сумело внушить казакам, что иногородние являются их конкурентами, что иногородние стараются присвоить их казачьи земли, что нужно ненавидеть этих «иноземцев». Создался антагонизм между казаками с одной стороны, русскими и украинцами — с другой. Это выгодно было правительству. Эта рознь служила ему для отвлечения внимания трудящихся от своего заклятого врага — самодержавия.

Силой долголетней провокации начальства казаки использовались против народа, но отнюдь не потому, что казаки по природе своей враги свободы.

Нужно было только ослабить силу провокаторов-атаманов, и казачество вновь, как и в первые годы своего зарождения, могло научиться любить и ценить свободу...

Начало этому положила революция 1905 года.

Втечение этого знаменательного года ряд казачьих станиц присоединялся к требованиям всего народа. Правда, до серьезных революционных действий дело не доходило, но это также относится к $^3/_5$ всего крестьянства России.

Требования политического характера выдвигались казаками на Тереке. Так, в станице Незлобной 4 декабря 1905 года на общем сходе была вынесена следующая резолюция: «Обсудив

современное положение дел в нашем многострадальнм отечестве, мы постановили требовать: 1) немедленного созыва народных представителей на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования лиц, имеющих не менее 20 лет; 2) передачи всех удельных, дворцовых, монастырских и частновладельческих земель во владение трудящегося класса; 3) отмены всех косвенных налогов и замены их прямым прогрессивно-подоходным налогом; 4) сокращения срока военной службы до двух лет и отмены офицерских прислуг; 5) введения всеобщего народного образования за счет общегосударственных расходов; 6) выборного, равного для всех суда; 7) улучшения медицинской помощи за счет государства; 8) отмены смертной казни и полной амнистии политическим преступникам; 9) уничтожения сословий; 10) полного самоуправления».

Аналогичные события и требования мы видим и в других казачьих станицах на Дону и Кубани. Революции удалось раскачать и застывшую, резко реакционно-настроенную, казачью массу.

Когда казаки начинают отворачиваться от царя, положение последнего совсем ухудшается. Продолжают еще исполнение своего «священного долга» казачьи воинские части, но и в них постепенно начинают замечаться революционные ростки.

«Отрадно слышать, что по-немногу просыпается и местное казачество, разоренное преступной войной, наложившей на него непосильное бремя. Социал-демократическая агитация не пропала и здесь даром. Недавно организовалась «социал-демократическая группа кубанских казаков» и выпустила уже первую прокламацию местным казакам. Подробно выясняя положение казачества и его роль в борьбе с «внутренним» врагом, группа призывает всех казаков добиваться, наряду с рабочим классом и крестьянами, свержения самодержавия», — читаем в № 8 органа большевиков «Пролетарий» в 1905 г.

В Згерже (близ Лодзи) произошли беспорядки среди казаков. Отряд их послал к своему начальству делегата, заявившего требования об улучшении пищи, увеличении зарплаты и уплаты задержанных денег. Вместо ответа начальник отряда выхватил револьвер и наповал убил казака. Остальные казаки все же настаивали на своих требованиях. Тогда начальник отряда вызвал пехоту, которая обезоружила и перевязала непокорных и отвела их потом в военную тюрьму в Ивангородской крепости.

В шести донских казачьих полках начались беспорядки. Казаки выражали неудовольствие по поводу назначения их для военно-полицейской службы внутри России. Целый полк в полном боевом составе, сформированный из казаков Хоперского округа, Донской области, в присланной войсковому

наказному атаману телеграмме заявил, что все без исключения отказались от несения службы внутри империи. («Пролетарий», 1905 г.).

Было брожение среди казачьего полка, мобилизованного в Черкасском округе.

Помощник начальника донского областного жандармского управления в Новочеркасском и Донецком округах, в связи с арестом некоего казака Щепкина 23-го января 1906 года, сообщает, что «негласным расследованием, производимым до приступа к формальному дознанию, было выяснено, что Щепкин, будучи призван в мобилизуемую из казаков второй очереди 7-ую отдельную сотню, вел преступную пропаганду среди казаков, убеждая их отказаться итти в мобилизуемые части».

Далее, в том же документе описывается настроение станицы Казанской, где производилась эта мобилизация: «Настроение населения станицы было настолько повышенное, и возбуждение против мобилизации так велико, что они (местная власть, Л. И.), опасаясь за свою личную безопасность, выходили из дома вооруженные револьверами и избегали встреч с толпой, так как приходилось выслушивать упреки в том, что казаков ведут не по прямому назначению — не для войны, а для защиты помещиков».

Донцы начинают понимать, что их использовывают в интересах богачей, и это им не нравится.

Полтавский полицеймейстер об'явил в приказе об увольнении двух казаков конно-полицейской стражи, ввиду вредного влияния их на чинов полиции.

Казаки отказываются исполнять полицейские обязанности. Они инстинктивно начинают чувствовать, что революция является их собственным делом. Просыпается чувство вольности казачьей старины.

14-й и 17-й Пластунский батальоны Кубанского казачьего войска наотрез отказались исполнять обязанности полиции и потребовали демобилизации. Ввиду отсутствия сил для расправы с ними и опасности распространения заразы среди других воинских частей, начальство удовлетворило их требования экономического характера.

Не удовлетворившись этим, пластуны сами демобилизовались. 14-го декабря, когда поезд самодемобилизованных пластунских казаков прибыл на станцию Минеральные Воды, состоялся митинг рабочих, которые обрисовали казакам положение страны, рост революционного движения как среди рабочих и крестьян, так и среди солдат и матросов. Казаки внимательно слушали и, когда к ним рабочие обратились с вопро-

с вопросом — за кого вы, за народ или за правительство, — они отвечали единодушно:

— За народ!

— Будете ли вы стрелять в рабочих и крестьян?

— Нет, — гудят казаки.

— Клянетесь в этом?

— Клянемся, клянемся!..

Пластунов снабжают литературой, и они отбывают со станции с пением революционных песен, провожаемые криками «ура»...

Понятно, какой эффект производили такие события и в какой степени они поднимали боевой дух революции.

Особенно важны были как для правительства, так и для народа события, происшедшие во 2-м Урупском полку, продолжавшиеся около двух месяцев.

ГЛАВА I.

Причина революционного настроения урупцев.

Неудачная война с Японией заставляла царское правительство мобилизовать все новые и новые силы для отправки на Дальний Восток в качестве пушечного мяса.

22-го ноября 1904 года были мобилизованы казаки Майкопского отдела Кубанской области, из которых состоял 2-й Урупский конный полк.

Майкопский отдел составлял значительную часть Закубанья, т.-е. обширного пространства земель между рекой Кубанью и главным Кавказским хребтом, прорезанного двумя большими притоками Кубани — р. р. Лабой и Белой.

Он стал заселяться еще во второй четверти XIX столетия, но это были преимущественно военно-опорные пункты, и только с 1862 года, для окончательного укрепления русского господства на этой территории и в связи с уходом большинства горцев-черкесов в Турцию, правительство решило приступить к колонизации ее. В штабе командующего армией на Северном Кавказе возникла мысль о выселении казаков со степей и равнин из Черноморья и Старой линии в горы, сдвинуть свыкшегося с природой края казака в новые незнакомые и малодоступные предгорья и горы, где ему пришлось бы вести хозяйство среди совершенно новых природных условий. Оставленные же земли предполагалось раздать и продать по дешевой цене лицам, имеющим связи в Тифлисе и Петербурге.

Этот проект переселения целых станиц не был приведен в исполнение только потому, что в Черноморьи и Старой линии поднялся ропот, и дело могло бы кончиться восстанием, если бы правительство, встретив решительный отпор, не отступило.

Новым распоряжением — рескриптом на имя командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморьи 1861 года — было предложено казачьим обществам самим выделять из своей среды требуемое количество людей или по жребию или по приговору, если желающих переселиться добровольно окажется недостаточно. При чем переселившимся были обещаны льготы и денежные пособия. В 1862 году издано «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами

из России». Особенность этого положения заключается в том, что казачье поселение рассматривается в земельном отношении, как самостоятельное целое, как независимая от других община. Таким образом, в противоположность другим частям Кубанской области, у населения этих станиц отнималась надежда на увеличение своих наделов в дальнейшем из общевойскового запаса земель, что и служило в последующие годы одной из причин глухого недовольства станиц Закубанья против станиц Черноморья и Линий.

Кроме кубанцев, в заселении Закубанья участвовали оренбурцы, донцы, отставные солдаты, черкесы-пленники и т. д.

Прежде чем приступить к наделению станиц землею, кубанской чертежной была произведена работа по нахождению лучших земель и вымежеванию их большими количествами десятин в жалованные участки генералам и другим важным лицам в собственность. Это из'ятие — одна из причин малоземелья нагорных станиц Майкопского отдела.

«Переселение произошло, станицы получили земли далеко в недостаточном количестве и даже долгое время недостаточно обмежеванные. В дальнейшие годы, в то время, как степные станицы, хотя и медленно, улучшали свою земледельческую технику, в большей части Закубанья экономическая жизнь не только не подвинулась вперед, а, наоборот, сделала значительный шаг назад». Так писал в 1888 году Фелицын в книге «Кубанское казачье войско». Далее, «в станицах, наиболее удаленных в горы, казак перестал даже заниматься земледелием; в целом ряде других станиц земледелие, да и вообще сельское хозяйство, находится в жалком положении; скот и овцы, вывезенные из равнины в горы, почти перевелись, и населению пришлось разводить местные породы; короче, казаки потеряли на новом местожительстве многое из того, что раньше имели и с чем перешли, и слово «закубанец» стало синонимом бедняка».

Фелицын так определяет причины этого явления: «Во-первых, казак, привыкший вести хозяйство в равнинах, был поставлен в совершенно новые, непривычные естественные условия среди горной природы, обнаженных скал, каменистых скатов, обилия влаги и вообще чуждых почвенных и климатических особенностей. Во-вторых, уже сами по себе переселения были разорительны, а к этому затем прибавилось водворение переселенцев на местах, удобных не столько в хозяйственном, сколько в военном отношении. В-третьих, главная масса переселенцев состояла из бедняков с значительным процентом порочных членов. В-четвертых, наконец, то, в чем наиболее нуждался казак, как переселенец и хозяин — свободное пользование земельной собственностью — было для

закубанца запретным плодом с первых же шагов его экономической жизни в Закубаньи. Несмотря на то, что в положении о заселении предгорья немедленное наделение вновь поселенных станиц землей и обмежевание последней было поставлено первым условием заселения края, на деле это условие было совершенно забыто, и казаки в отношении землепользования очутились в совершенно неопределенном положении».

Следует добавить, что большая часть территории была под лесом, и лесное правление всячески тормозило межевание земли. Отсутствие же дорог делало лесной промысел крайне тяжелым и дающим только малую подмогу хозяйству.

В 90-х годах прошлого столетия, в связи с явным обеднением нагорных станиц, в особенности станиц, расположенных между р. р. Лабой и Белой, кубанское областное правление созывает «комиссию по поводу оскудения», а кубанская областная чертежная выясняет, как и где эти станицы, числом 21, могут получить дополнительные наделы. 21 станица, Абадзехская, Баговская, Барикиевская, Беслинеевская, Даховская, Псебайская, Севастопольская, Хамкетинская, Царская, Каменномостская, Губская, Кужорская, Костромская, Махошевская, Переправная, Тульская, Ярославская, Белореченская, Келермесская, Ханская и Гиагинская в 1891 году получили в общестаничное владение 288.058 десятин 1.367 саж.

Кроме того, войсковые штаб и обер-офицеры и классные чиновники, их вдовы и сироты получили 13.936 десятин 1.045 саж., семейства офицеров и казаков, добровольно переселившихся, — 23.956 дес. 1.460 саж., монастыри — 216 десятин. В войсковой запас отошло 18.204 десятины 280 саж. леса.

При размежевании земель по отдельным станицам оказалось, что полного количества земель большинство станиц, даже по норме, исчисленной для каждой станицы канцелярски и уменьшенной, сравнительно со станицами Черноморья и Линий, получить не может из-за недостатка земли.

Таким образом, станичные наделы были урезаны, и станицы не дополучили на душу от 0,2 дес. (Белореченская) до 11,2 дес. (Переправная). Станица Гиагинская недополучила 2,36 десятин на душу, Ханкентинская — 9, Ханская — 7,13 и т. д. В результате не хватило земли в Бугской на 509,9 душ. Переправной — на 418, в Белореченской — на 9,2, в Гиагинской — на 195,8 (цифры взяты по станицам в качестве примера, вообще они колеблются от 9,2 до 509,9). При размежевании, из-за топографического положения станиц и разнохарактерной почвы, для межевой чертежной, стало ясным, что распределить пропорционально между станицами пахотную, сенокосную, лесную и другие земли трудно.

Вызванные в 1891 году представители станиц протестовали против такого межевания, но из протестов ничего не вышло.

Наглядная для всех бедность нагорных станиц и глухое недовольство населения, а также с каждым годом все более и более обнаруживающаяся невозможность для казаков некоторых станиц выполнять военную службу, вынудили администрацию произвести в 1901 году обследование хозяйственного положения станиц Баракаевской, Каменномостской и Севастопольской с целью ответа на чисто практический вопрос: «не представляется ли безусловно необходимым принять какие-либо меры, и какие именно, к улучшению экономического положения Баракаевской станицы и других станиц, находящихся в одинаковых с нею условиях, и облегчению им выполнения различных служебных требований, кои, при существующих размерах и качествах наделов, представляются, может быть, непосильными».

Казак должен выполнять свои обязанности по приобретению коня и обмундирования, а он не может, — и заставить его трудно.

Оказалось, что на хозяйство в среднем по всем трем станицам приходится 49 десятин, а на наличную душу населения 8,5. Надел, как будто, значительный, но в действительности земледелие возможно едва на десятой части всей земельной площади, так как в пахотных полянах имеется такая земля, что урожай на ней не окупает расходов на обработку, а лесная заросль совершенно негодна для раскорчевки и запашки Пастбища тоже низкого качества. Скота очень мало:

	Ст. Барак.	Ст. Камен.	Ст. Ставр.
	Число хоз.	Число хоз.	Число хоз.
Хоз. без скота	40	9	46
„ без рабоч. скота	26	6	6
„ с одной пар. бык.	80	23	60
„ с тремя пар. бык.	41	13	27
„ с четыр. пар. бык.	10	9	10

В этой таблице не отделяются казаки от иногородних, но % иногородних в этих станицах незначителен.

Из таблицы видно, что в Баракаевской станице 22,3% хозяйств без скота вообще и без рабочего скота, в Каменномостской — 17,3%, в Севастопольской — 25,8%.

В степных станицах таких казачьих хозяйств почти нет.

Лошади в этих станицах на работу не употребляются.

Лесной промысел дает населению мало: ценный лес в удобных местах уже вырублен, население же занимается кустарным лесным промыслом, хотя очень примитивным. В общем, земельное хозяйство в этих станицах далеко не обеспечивает потребностей населения в продовольствии, — хлеб нужно покупать, и доходы с лесного промысла идут на покупку продовольствия и на другие потребности казака.

В 1902 и 1903 г.г. было произведено обследование 7 и 4 станиц. Первые 7 расположены по левую сторону р. Белой, вторые 4 в стороне Белореченского перевала в верховьях р.р. Белой и Курджип.

Выводы, к которым приходит последнее обследование, те же, что и относительно первых обследованных станиц.

В результате — все время недовольство закубанца и невольное сравнение своей жизни с жизнью Черноморья и Линий. Проекты межевания для увеличения станичной земли, составляемые в Екатеринодаре*, встречали сопротивление в лесном ведомстве и в нежелании войскового правления лишиться поступлений в войсковой капитал от аренды запасных войсковых земель.

Конечно, не все станицы Майкопского отдела так бедны, имеются станицы более богатые, как Гиагинская, Келермесская, Белореченская, но большинство станиц бедно. Эта бедность отдельных казаков находит свое подтверждение в скудости станичных капиталов.

Так, станичных капиталов приходится на одного казака по годам в рублях:

ОТДЕЛЫ	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
1. Краснодарский	12—50	9—89	15—70	14—60	18—58
2. Ейский	13—35	11—37	12—12	11—47	12—06
3. Темрюкский	10—42	11—15	10—41	11—43	6—05
4. Майкопский	7—30	6—93	7—79	7—22	4—48
5. Лабинский	11—19	11—86	10—00	9—39	9—26
6. Кавказский	13 61	13—35	11—90	12—38	11—95

Никакие обследования положения бедных казаков не улучшили.

Большинство казаков с завистью смотрели на счастливых людей других отделов и с ненавистью на начальство, присвоившее себе много хорошей земли.

* Теперь — Краснодар; в нашем исследовании сохранено всюду старое название.

Это обстоятельство удерживало майкопских казаков от желания служить в армии, вместо того, чтобы хоть кое-как вести свое хозяйство. Они знали, что с их уходом хозяйство еще больше падет и что семьи обречены на заработок на стороне. Но делать было нечего, зовут — нужно итти.

Первоначально предполагали, что 2-й Урупский полк будет отправлен на театр военных действий в числе множества других воинских частей. Оказалось, однако, что его оставляют внутри страны для войны не с японцами.

Царское правительство уже предчувствовало приближение революционной волны и, на всякий случай, оставило необходимое количество защитников.

Казаки не были довольны таким положением вещей, не потому, конечно, что патриотический дух тянул их на фронт, этого духа тогда не было почти у всей русской армии, в том числе и у значительной части казаков, а потому, что мобилизация в таком случае казалась бессмысленной. Долголетнее воспитание в духе беспрекословного подчинения воле начальства, идеология защитников царя и суровая дисциплина заставляли их подчиняться и на внутреннем фронте. Но все же трудно было освободиться от мысли, что если вместо Дальнего Востока посылают на ближнюю Кубань, то незачем было отрываться от хозяйства и родных и сидеть в Екатеринодаре?

В Екатеринодаре Урупский полк был назначен для несения внутренней службы, иначе говоря, для исполнения обязанностей полиции.

Урупцы безропотно исполняют «святое» дело полиции, разгоняя прикладами народные собрания, расстреливая безоружных людей на улицах, топча конями мирных демонстрантов, охраняя атаманов и офицеров, капиталистов и помещиков, не только в их служебных кабинетах и роскошных дворцах, но и в кафе-шантанах и публичных домах.

Такие же подвиги, как в Екатеринодаре, проявляют 2-я, 4-я, 6-я сотни того же полка, посланные для той же цели в Новороссийск, где вскоре была создана народная власть — Новороссийская республика.

Казак был воспитан начальством для борьбы с внешними и внутренними врагами; казарменная дисциплина превратила его в верного защитника царя.

Однако, 1905 год есть новая страница в истории России,— начало революции трудящихся масс.

Революционая буря захватила также и армию, она начала колебаться и менять направление в сторону народа. Чем сильнее развивалось движение пролетариата и крестьянства, чем решительнее становился штурм бастилии самодержавия, тем яснее армия стала сознавать свою связь с народом. Самые богатые плоды в этом отношении дали октябрьские события.

Под натиском революционного пролетариата, самодержавие вынуждено было, хотя бы на время, капитулировать. Забастовки железных дорог парализовали правительственную машину: нельзя было перебрасывать войска для усмирения восставших. К тому же правительство потеряло возможность ориентироваться ввиду приостановки работ телеграфа и почты

Царские головорезы, конечно, не думали сдаваться, они только хотели выиграть время для собирания сил. Манифестом 17/30 октября, «дарованным» народу, правительство пыталось обмануть революцию. Однако, расчет был не совсем верен. Если до октября солдаты мало понимали смысл революционного движения, потому что казарменная дисциплина карала строго за посещение рабочих собраний, за чтение революционных книг и прокламаций, то после манифеста создаются другие условия.

Аресты, избиения и расстрелы рабочих собраний, после того, как сам царь подписал манифест о даровании свободы собраний, служили самой верной агитацией. К тому же после об'явления манифеста солдаты и себя стали считать гражданами, разрешали себе посещение собраний и чтение газет, что безусловно толкало их вперед в деле понимания происходящих событий.

«За что же мы расстреливаем свой собственный народ, когда сам царь дал ему свободу? Если нас начальство посылает отнимать у народа свободу, данную ему царем, то оно тем самым является врагом народа и царя».

Так рассуждали уже, не только солдаты — крестьяне и рабочие, такие речи начинают произносить даже казаки.

Врага царя казак, как и вообще солдаты, видит теперь в начальстве. Он не мог еще понимать самодержавия, как единый организм, члены которого составляют и царь, и помещик и чиновник-бюрократ, и поп, и офицер, и атаман казачий.

Он становится в оппозицию своему начальству.

Когда подчиненный начинает относиться к начальству с пренебрежением и презрением, дисциплина отмирает, и революционизирование военной массы идет ускоренным темпом.

Именно так обстояло дело в Урупском полку перед восстанием.

Немаловажную роль в деле революционизирования урупцев играли также плохие материальные условия. Пища была скверная, кормили плесневелым хлебом, вонючим мясом; когда однажды казаки пожаловались офицеру, тот ответил: «Вы дома ели хуже, чем мои собаки, а тут еще не понравилось вам казенное питание».

Лошадей кормили прелым сеном, от чего много их часто заболевало и подыхало. А для казака конь — самый близкий друг.

Казакам приходилось вывозить навоз на своих собственных плечах, жить в сырых тесных и грязных сараях вместе с лошадьми. На все жалобы они получали ответы, подобные ответу вышеупомянутого офицера, или угрозу предания суду.

Все это, конечно, сыграло известную роль в настроении казаков.

Однако, основную причину их решительного шага нужно видеть в силе революции, которая действует на массы, как прикосновение к электрическому проводу.

ГЛАВА II.

Начало.

Царь дал свободу. Стало быть можно и казаку книжку или листовку прочесть. Коли свобода дана, можно и на собраниях присутствовать, слушать речи ораторов и обсуждать вопросы.

Офицеры не пускают на митинги, казаки переодеваются вольными и все-таки идут. Офицеры отнимают у них прокламации, они их опять достают. Действие «свободы» даже на казаков сказалось немедленно после об'явления манифеста.

Когда стало известно о «даровании» свободы, екатеринодарские рабочие устроили демонстрацию. В противовес им, черная сотня, во главе с попами, с портретом царя шествовала по улицам, желая вызвать столкновение, дабы иметь возможность погромить. Кто охранял рабочих, шедших с красным знаменем?

Урупцы!

Не чудо ли?

Социал-демократы учитывали, что казаки больше всего одурачены и для успеха революции их, в первую очередь, нужно перетянуть на сторону народа, или в крайнем случае, добиться того, чтобы они не выступали с оружием против народа.

Урупцы проходят в Екатеринодаре и Новороссийске политическую школу, они расскрывают глаза на окружающие их события, они иначе начинают относиться к рабочим. Когда казаки-урупцы встречались с рабочими дружинниками или милиционерами, они здоровались: «Здравствуйте, товарищи!»

Усиливается с каждым днем недовольство казаков возложенными на них полицейскими обязанностями; обсуждается тяжелое и бесправное положение солдата. Наконец, говорят о том, что пора вернуться по домам. Народ не враг, иначе царь не дал бы ему свободы, война кончена, воевать не с кем. К семьям, к своему труду, к своему хозяйству пора вернуться!

Влияние революционеров среди казаков Урупского полка усилилось. Особенной популярностью пользовались братья

Полуян, на квартире которых происходили партийные совещания с участием урупцев — Курганова и Соколова, а также т. Волконогов, который работал среди казаков. Казаки заявили, что не будут стрелять в народ, и в ноябре 1905 года они имели возможность доказать это на деле.

Находившийся в Екатеринодаре анапский батальон восстал, удалил своих офицеров и пред'явил начальству ряд, главным образом, экономических требований.

Урупцы послали казаков Чумакова и Корягина для установления с ним связи и для обсуждения мер, необходимых со стороны урупцев для поддержания восстания. Анапцы просили в первую очередь не выступать против них, так как было известно, что помощник наказного атамана, генерал Бабич намеревается послать урупцев для усмирения восставших.

Среди казаков пошла сильная агитация за отказ выступать против анапцев. Особенный успех имела агитация фельдшера Шумакова и казаков Степаненко, Крикунова и Федорова.

Урупцы мало того, что сами наотрез отказались обстреливать анапцев, но еще и предупредили батарею, что в случае, если последняя подчинится распоряжению Бабича и откроет огонь по восставшему батальону, она будет разбита силами казаков-урупцев.

Угроза подействовала, и генералу Бабичу ничего больше не оставалось, как удовлетворить пред'явленные ему анапцами требования.

После этой первой удачной вылазки, движение урупцев принимает постепенно все более и более серьезные формы. Начинается обсуждение и выработка плана восстания совместно с другими частями гарнизона. Неоднократно собираются митинги гарнизонных частей, на которых ставится даже вопрос о захвате власти. Захват власти революционерами в других городах, в первую очередь, в городах Северного Кавказа — в Новороссийске и Сочи, еще больше убедил казаков в этой возможности. Вопрос о захвате власти был поднят социал-демократической организацией.

На одном из таких митингов решено было, что Урупский полк во время его полкового праздника 26 ноября прямо с парада со знаменем и оркестром музыки демонстративно пройдет по городу, присоединится к рабочим, а затем общими силами арестует царских генералов и захватит власть в свои руки.

Руководство этим делом было поручено казаку Маковкину. Последний согласился, и можно было надеяться на успех, тем более, что достаточной воинской силы, которую начальство могло бы противопоставить урупцам и рабочим, в городе не было. Но в назначенный день Маковкин струсил,

и заговор потерпел неудачу. Парад кончился, и сотни разошлись по казармам без всяких инцидентов.

О намерении захватить власть стало известно командиру полка, и он решил принять необходимые предохранительные меры. Все, что он мог пока сделать, — это удалить Маковкина из Екатеринодара, ибо считал его самым опасным агитатором. Он откомандировал Маковкина в Новороссийск. Однако брожение от этого не утихло,—урупцы твердо решили поднять знамя восстания.

Для успешности дела, необходимо было привлечь на свою сторону те сотни, которые находились в Новороссийске. Так как туда был откомандирован Маковкин, которого урупцы все же считали надежным единомышленником, ему было поручено поставить в курс дела те сотни, которые находились в Новороссийске и подготовить их к выступлению. Было условлено, что о времени выступления он будет извещен телеграфно.

ГЛАВА III.

От слов к делу.

В ночь с 15-го на 16-е декабря в городском саду при зажженных фонарях, состоялся митинг, на котором было принято решение поднять восстание. Урупцы постановили немедленно командировать казаков Игуменного и Сушкова в Новороссийск, чтобы поднять те сотни, которые там находились. Последние сейчас же телеграфировали Маковкину с предложением все приготовить к выступлению. В Новороссийске, кроме этих сотен, других воинских частей не было, и сомневаться в успешности восстания там не приходилось.

Оказалось, что Маковкин, не только трус, но и изменник: вместо того, чтобы подготовить казаков к выступлению, он телеграмму депутатов передал командиру полка. Командир полка, войсковой старшина Котрахов, в это время был в Новороссийске, где спаивал стоявшие там сотни, надеясь отвлечь их от выступления.

Получив телеграмму от предателя Маковкина, Котрахов предпринял меры к аресту делегатов из Екатеринодара.

Когда урупцы 4-й сотни узнали об опасности, угрожавшей Игуменному и Сушкову, они поспешили их предупредить. Таким образом, хотя никто и не пострадал, но восстание на этот раз не удалось.

В Новороссийске сотни не выступили, а екатеринодарские сами выступать не решились.

Революция между тем разгоралась все больше, движение в армии усиливалось, железная дорога и телеграф забастовали; нужно было действовать быстро и решительно.

Полк решил восстать, сам себе не отдавая отчета в том, что будет на следующий день после восстания — захватит ли он вместе с рабочими власть на Кубани, или самовольно демобилизуется и разойдется по домам.

Но положение оставалось неопределенным, потому что не было руководителя.

Волконогов Козьма Васильевич.

Когда делегаты полка вернулись из Новороссийска с пустыми руками, когда стало ясно, что начальство, после того, как оно окончательно убедилось в намерении полка восстать, не замедлит принять соответствующие меры, нужно было немедленно выдвинуть руководителя, который смог бы сразу взяться за дело и повести полк к намеченной цели.

По предложению т.т. Полуяна и Волконогова, которые обещали со стороны рабочих всемерную поддержку, временное руководство полком согласился взять на себя урядник Алексей Сазонтович Курганов.

Немедленно вновь была послана в Новороссийск делегация к 2-й, 4-й и 6-й сотням с предложением явиться в Екатеринодар для совместного пред'явления начальству требований полка.

Бастовавшая железная дорога предоставила делегации специальный поезд, и вечером 17-го декабря последняя прибыла в Новороссийск.

Делегации, состоявшей из 16 человек, был дан наказ во что бы то ни стало привезти Новороссийские сотни.

Прибыв в Новороссийск, поезд остановился у семафора, и делегация пешком направилась в город, в казармы 4-й сотни, где застала Маковкина. Последний, хотя и смутился, но не растерялся и предложил делегации свои услуги, в качестве посыльного за командиром. Казаки этой сотни, не раздумывая, начали седлать лошадей и складывать вещи. Явившемуся командиру оставалось только открыто заявить, что он бессилен что-либо сделать и предоставляет все воле казаков.

Новороссийский губернатор, как только узнал, что 4-я сотня согласилась итти с делегацией, немедленно сбрил бороду и скрылся.

Городская милиция предоставила делегации подводу для перевозки вещей на станцию железной дороги. 4-я сотня была на стороне полка и готовилась к от'езду из Новороссийска. Затем делегация направилась в 6-ю сотню казаков, которых застала уже спящими. Крики: «вставай», «едем в штаб», поставили казаков на ноги, и они начали готовиться к отбытию. Но прежде, чем они успели приготовиться, явился помощник командира, который стал их уговаривать не уезжать. Учитывая, что не все казаки понимают значение начатого ими дела, что некоторые могут поддаться влиянию, а другие, будучи запуганы, не решатся уходить, делегаты потушили огонь в казарме и подняли шум.

Крики, стук, свист в темноте так напугали бравого командира, что когда зажгли свет, его и след простыл...

6-я сотня тоже присоединилась к восставшим. Хуже обстояло дело со 2-й сотней.

Когда делегаты явились в казарму, у входа их встретили с винтовками на изготовку командир и урядник.

Делегаты не были вооружены и поэтому не считали для себя возможным начать борьбу с вооруженным караулом. К тому же делегация предполагала, что, когда сотня узнает об уходе других частей, она сама снимется с места. Делегация в казармы не врывалась и ушла без этой сотни.

Миссия на $^2/_3$ была выполнена, можно было возвращаться в Екатеринодар.

Железнодорожники, не без основания, усматривали в восстании казаков свое родное дело, и по первой просьбе делегации, несмотря на забастовку, приготовили специальные поезда.

Все было готово к погрузке, но делегация была настороже. Стоявшее на рейде военное судно прожектором освещало

станцию, можно было опасаться, что оно имеет распоряжение открыть огонь по восставшим.

Рано утром 18-го декабря делегатский поезд, а вслед за ними два поезда с казаками, вещами, лошадьми, и оружием отошли со станции Новороссийск, оставив город почти без царской стражи.

Предупрежденный делегацией полк выстроился на вокзале с оркестром музыки для встречи своих новороссийских товарищей.

Перрон вокзала и вся линия до городского сада была переполнена рабочими и служащими. Офицеры полка, как общипанные, стояли в стороне.

Один за другим медленно подходили новороссийские поезда, встречаемые криками «ура» ликующих урупцев и рабочих.

С вокзала железной дороги весь полк направляется во двор 3-й сотни полка, где устраивается совместное обсуждение требований, подлежащих пред'явлению наказному атаману.

Тов. Курганов в 1905 г.

На этом собрании казаки выбрали уполномоченным для ведения переговоров с наказным атаманом урядника Курганова. Выработанные требования читал казакам фельдшер

Шумаков. Казаки каждый пункт утверждали криками одобрения, затем все изложенные требования вручены были Курганову для пред'явления наказному атаману и временно командующему полком есаулу Козлову.

Командир полка, уехавший спасать новороссийские сотни, обратно не мог вернуться, ибо рабочие и служащие железной дороги не пускали его в поезд. Пришлось ему возвращаться на лошадях. В это время были разливы рек, и ему пришлось ожидать несколько дней на берегу одной реки. Его полк «бурлил», а он в это время «рыбу ловил».

В тот же день имел место следующий случай. Помощник атамана, генерал-майор Бабич, приказал двум сотням урупцев разогнать толпу, которая собралась около дома наказного атамана. Когда распоряжение стало известно Курганову, он вместе с урядником Соколовым и Коляпиным заявил сотнику Есаулову, что сотни высылать нечего, что достаточно послать туда 10 пеших казаков; если же действительно окажется нужда в людях, то они сами их вызовут.

ГЛАВА IV.

Переговоры и начало восстания.

19-го декабря наказный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант Одинцов прибыл к собравшимся в казармах казакам, и через Курганова вступил в переговоры. надеясь путем экономических уступок склонить казаков помириться с начальством.

Полк потребовал, прежде всего, удаления офицеров и лишь когда генерал выполнил это условие и офицеры были удалены, Курганов изложил требования урупцев.

— Казаки считают неправильным,—говорил он,—распоряжения начальства, заставляющего казаков выступать против народа, ибо царский манифест 17-го октября даровал свободу собраний. Собрание безоружных людей — не преступление против царя, наоборот, своими выступлениями, мы подавляем данную свободу и, тем самым, грешим против царя. Война, для которой мы были мобилизованы, давно кончилась и нас нужно распустить по домам, а не превращать в полицейских. На роспуск полка даем семидневный срок.

— Земельное распределение, — продолжал он, — на Кубани неравномерное — у одних по 30 десятин, а у нас в Майкопском отделе есть станицы, где на хозяйство и трех десятин нет. Кроме того, самые лучшие земли принадлежат генералам, атаманам и помещикам, а посему мы требуем перераспределения земель...

— Правильно... молодец... согласны... — раздается со всех сторон.

Переговоры продолжались до трех часов ночи, но ни к чему не привели. Атаман заявил, что все требования будут рассмотрены и, по возможности, удовлетворены, что же касается роспуска казаков по домам, то это зависит не от его воли.

Казаки волновались:

— Расстреливать народ — ваша воля, а отпустить домой— не ваша!

— Дурачить казаков можете, а удовлетворение их требований не от вас зависит!..

— У тебя, наверное, сотни десятин!..

— Вам хорошо служить!..

— Долой его!..

— Изменник!..

— Сами уйдем!..

Генералу пришлось бежать, а полк решил не ждать ответа на пред'явленные требования.

— Согласны вы, братья, разойтись по домам, без разрешения начальства? — спрашивает Курганов.

— Согласны! — единогласно отвечают казаки.

Однако, дальнейшее поведение полка, после решения о самовольной демобилизации, было другое.

На том же собрании кто-то из казаков предложил избрать командира полка, ибо офицеры все удалены.

Единогласно был избран командиром полка Курганов. Последний отказался от избрания, и лишь на следующий день. после переговоров с ним Полуяна и Волконогова, он принял на себя руководство полком.

На пишущей машине были отпечатаны для всех сотен такие подписки: «Мы, казаки 2-го Урупского полка, 19 декабря 1905 года собравшиеся на всеобщем собрании, избрали единогласно командиром полка и руководителем движения, по нашему желанию, урядника Курганова Алексея, в чем и подписуемся».

Означенные «мандаты» от всего полка были вручены и Курганову, и последний приступил к исполнению обязанностей врид. командира полка.

К концу этого знаменательного вечера, когда полк решил уйти из Екатеринодара, приехал из отпуска Бычков, который заявил, что он присоединяется к восставшим и тут же сорвал с себя погоны.

Казаки устроили ему шумную овацию и избрали его помощником командира полка.

На следующий день вечером распространился слух между казаками, что офицеры полка хотят вынуть из полкового

денежного ящика имеющиеся там суммы, а также взять из канцелярии полковое знамя.

Курганов распорядился немедленно поставить у канцелярии усиленный караул из казаков и не пускать туда офицеров. С этого момента офицеры в канцелярию не заходили.

Тов. Бычков, вахмистр Урупского полка

Сотенные командиры избраны были казаками из своей среды.

20-го декабря наказным атаманом через войскового старшину передан был казакам ответ на пред'явленные ему требования. Вместо удовлетворения, хотя бы некоторых из них, ответ гласил, что атаман приказывает казакам, под страхом суровой

ответственности, обратиться опять к несению лежащих на них обязанностей.

В тот же день должен был притти начальник штаба Кубанского казачьего войска генерал Пржевальский с каким-то важным сообщением. Полк выстроился посотенно, во главе и под руководством старых офицеров, которые опять явились в казармы.

Явившись, Курганов закричал:

— Что это такое, вы кому подчиняетесь? Всем офицерам приказываю вон отсюда, а казаки в круг!

Офицеры поспешно удалились, а казаки остались со своими выборными.

Генерал чувствовал себя нехорошо в тесном кругу казаков, он даже решился высказать это вслух:

— Ах, жаль, что вы не в надлежащем порядке встречаете начальство!

— Наше начальство теперь — такие же казаки, как и мы, — сказал кто-то из присутствующих.

Генерал Пржевальский прочел бумажку, которую он назвал телеграммой от «его величества», за подписью Витте, в которой говорилось, что царь, глубоко оскорблен действиями урупцев, призывает их к благоразумию, верной службе и подчинению начальству.

Когда Пржевальский окончил чтение этой телеграммы, Курганов заявил, что эта телеграмма сфабрикована начальством, ибо телеграф бастует и царских телеграмм не передает. Все равно, добавил он, казаки не верят начальству, знают, что начальство готовит войско для расправы с восставшими, и поэтому предлагает генералу сюда больше не являться. Затем добавил: «Назначьте новые караулы, потому что мы сегодня всех наших с постов снимаем и полк уезжает».

Пржевальский на прощание повторил казакам требование вернуться к исполнению своих обязанностей.

Подчиняться этому требованию полк и не думал, и когда стало известно намерение генерала Бабича действовать против него оружием других частей, было решено уйти из Екатеринодара с оружием в руках.

Когда полк уже приготовился к от'езду, генерал Бабич предоставил ему возможность убедиться, что начальство не брезгает никакими средствами для расправы с восставшими.

Не имея возможности открыто выступить против урупцев, генерал Бабич решил пойти на провокацию. Он попросил урупцев выслать к его дому одну из сотен для защиты его от готовящегося, якобы, выступления революционеров. Полк на этот раз решил удовлетворить его просьбу, имея в виду, в случае, если действительно произойдет нападение рабочих, помочь им арестовать ненавистных начальников. Когда сотня под'езжала

к дому, она заметила, что на противоположной стороне расположены в боевом порядке 2 сотни пластунов.

Пластуны шопотом переговаривались и с удивлением смотрели на урупцев. Несколько минут спустя пластуны подошли к урупцам и заявили: «Нас вызвали сюда против вас, потому, что вы, будто, решили арестовать атамана. Правда ли это?» Когда урупцы заявили, что их вызвали для защиты атамана, пластуны заявили, что стрелять не будут.

Провокация атамана не удалась, но можно было ждать ее повторения.

К тому же наказным атаманом была об'явлена экстренная мобилизация казаков Екатеринодарского отдела в возрасте от 17 до 60 лет.

На собрании мобилизованных, которых начальство предварительно спаивало, атаман произнес речь, в которой указал, что урупцы изменили царю и начальству, отреклись от бога и хотят отобрать землю у екатеринодарских казаков, верных царю и отечеству, и призывал екатеринодарцев к расправе с бунтовщиками.

Екатеринодарцы клялись, что уничтожат весь полк, а главарей будут четвертовать. Кроме того, урупцы узнали, что артиллерия тоже готовилась к выступлению против них.

ГЛАВА V.

Отъезд из Екатеринодара.

Что дело мирно не может разрешиться — было ясно для каждого казака, все же восставшие казаки не хотели кровопролития.

События в Урупском полку совпали с моментом вооруженного восстания в Москве и др. городах, и от их исхода зависела судьба революции.

Урупцы считали, что с победой вооруженного восстания в Москве, — их восстание здесь, в провинции, победит без боя.

Обороняться в Екатеринодаре против верных начальству частей у урупцев не было возможности, в случае же ухода полка из города, погоня за ним была бы невозможна, ибо революционный Екатеринодар требовал от начальства много сил. Поэтому решили оставить город и попытаться увеличить свои силы в станицах, тем более, что была надежда на присоединение 14-го и 17-го пластунских баталионов, которые, будучи посланы для подавления восстаний в Новороссийске и Сочи, отказались от военной службы и начали самовольно демобилизовываться.

Екатеринодарский гарнизон колебался: он было обещал присоединиться к восставшим, но постепенно начальство прибрало его к рукам, и следовало опасаться, что, в конце-концов,

атаману удастся использовать гарнизон против урупцев. Поэтому казаки решили делать вид, будто хотят демобилизоваться, на самом же деле они, захватив с собой оружие, уходили, чтобы увеличить свои силы.

Когда полк был уже погружен в вагоны, 22-го числа, около 200 человек, во главе с Кургановым, отправились в канцелярию полка и забрали с собой полковое знамя и денежный ящик.

Царь еще оставался «батюшкой», но все же перед уходом из города Екатеринодара, полк предложил местной рабочей организации забрать снаряжение из оставленного порохового склада для использования против царизма; с собой полк забрал только один вагон.

Начальство было радо скорее избавиться от мятежников, если бы они мирно разошлись по домам, как это сделали казаки 14-го и 17-го пластунских баталионов. Но помешать им вывезти оружие и полковые ценности — оно было бессильно.

Котрахов просил наказного атамана дать ему казаков 13-го пластунского баталиона, хотя бы для защиты знамени и денег, но атаман ему в этом отказал, ибо доверял пластунам 13-го баталиона не больше, чем их товарищам из 14-го и 17-го баталионов.

Урупцы успели забрать канцелярию раньше, чем атаман додумался направить против них артиллерию.

Опасаясь артиллерийского обстрела поезда, часть урупцев вернулась в казармы и об'явила, что утром у них будет отслужен молебен. Пригласили попа, о чем знали офицеры. Атаман поэтому еще предполагал, что утром еще успеет воздействовать на урупцев, но последние только ввели его в заблуждение.

ГЛАВА VI.

Новая станица.

Революционные партии, даже делегаты от либералов, уговаривали урупцев не покидать их, но это было невозможно.

Паровозы все время стояли под парами, и в 4 часа утра нагруженные поезда, предшествуемые одним паровозом, отправленным вперед, тихо покинули Екатеринодар.

По дороге стало известно, что взбунтовавшиеся пластуны уже разошлись по домам и надеяться на их помощь нечего.

Полк с обозом прибыл в станицу Гиагинскую.

Станица приняла его весьма радушно, всем казакам предоставила квартиры, а лошадям сараи. Канцелярия с денежным ящиком была помещена в станичном управлении.

24-го числа накануне рождества, было решено казаков на время отпустить по домам с заданием: установить тесную связь со станицами и добиться от них помощи восставшим.

Станицы в то время, в большинстве случаев еще спали непробудным сном, жители их почти еще совсем не знали о революционных событиях, происходивших по всем концам России.

Лишь немногие старики (молодые ведь все были в армии) знали, что значат все эти «свободы собраний и печати».

Зачем безграмотному казаку свобода печати? Должно быть, эта свобода нужна попам да панам, чтобы легче дурачить народ! Какие нужны свободы собраний, когда станичные собрания и так бывают! Так рассуждали старики. Тем более, в их головах не могли укладываться мысли о каких-то республиках и учредительных собраниях.

Если крестьянство инстинктивно тянулось к революции, то к этому его побуждало малоземелье, высокие арендные цены, налоги. Казачество же было в несравненно лучших условиях. В частности, майкопские казаки. Они были в худших условиях по сравнению с другими казаками, но все же в лучших, чем крестьяне.

Вот эту косность казачьих стариков нужно было раскачать и заставить их понять смысл происходивших в России событий, и в, частности, причину и характер движения урупцев.

О целях было еще рано говорить, ибо сам Урупский полк их еще не знал.

Агитаторы раз'ехались, а штаб с большинством казаков остался в Гиагинской.

Агитаторы-казаки очень мало могли сделать, ибо сами были недостаточно развиты. В некоторых местах их хорошо принимали и одобряли их действия. Другие же считали их изменниками, позорящими казачье сословие.

Трудности, встречающиеся в деле агитации, натолкнули казаков на мысль выпустить прокламации, как это делалось в Екатеринодаре рабочими.

26-го весь полк был в сборе — обсуждался вопрос о привлечении населения к восстанию. Решили начать печатную агитацию.

Первая прокламация была немедленно сочинена, нужно было только отпечатать ее.

Полк решил в полном составе отправиться в город Майкоп, с одной стороны, для пред'явления некоторых требований атаману, ибо не было больше никаких материальных рессурсов, а, с другой стороны, — отпечатать прокламации.

Вперед было отправлено отношение на имя атамана Коськина, с приглашением выехать за 3 версты от города встречать полк; приглашение было за подписью Курганова.

В тот же день в Гиагинскую приехал ад'ютант атамана Майкопского отдела и через посыльного пригласил к себе на квартиру Курганова для переговоров. Оказалось, что все, что он мог предложить урупцам, это — демобилизацию.

Но полк о демобилизации уже и не думал, наоборот, он надеялся увеличить свои силы путем союза со станицами.

Он представлял собою маленькую Гиагинскую республику, подобно Новороссийской и Сочинской республикам.

Оружие не сдали, казаки не демобилизовались. Полк выступил в Майкоп.

ГЛАВА VII.

В Майкопе.

Утром 27-го декабря с разных сторон станицы двигались сотни полка с красными знаменами в конном строю с красными башлыками за спиною. На площади играл духовой оркестр.

Помощник командира полка, вахмистр Бычков, выстраивал полк в надлежащем боевом порядке для первой торжественной встречи своего первого выборного командира.

Под звуки музыки Курганов проехал перед полком, здороваясь с каждой сотней в отдельности.

По окончании смотра Курганов под звуки музыки и песен казаков повел полк в Майкоп.

По пути полк был приглашен депутацией в станицу Келермесскую, где в это время происходил митинг и обсуждались вопросы текущих событий. Урупцы были встречены населением с воодушевлением и радостью.

Гонец полка, казак Горбов, прибыл в Майкоп с пакетом на имя атамана отдела. Последний, распечатав и прочитав его, заявил:

— Я такой подписи и такого командира полка не знаю.

— Это, — заявил Горбов, — подпись Курганова, нашего выборного командира.

— Не поеду встречать, он самозванец, и я ничего общего не хочу с ним иметь.

— Это дело ваше, мы не думаем вас заставлять, но не знаю, какие могут быть последствия.

Атаман нахмурился, потом твердо заявил:

— Поезжайте и скажите полку, что я его буду встречать.

В этот день в Майкопе происходил митинг по поводу предстоящих выборов в государственную Думу. Горбов тоже хотел послушать, что там говорили частные люди, и каково их отношение к урупцам.

Заметивши приближение казака, кто-то из толпы крикнул:

— Казак едет!

Все заволновались:

— Откуда? Зачем? Может, за ним сотня для разгона митинга!

— Я гонец от казаков Урупского полка, — громко заявил Горбов.

— Зачем вы сюда приехали? Где полк и когда и для чего он сюда прибудет? — посыпались вопросы со всех сторон.

Горбова пропустили к трибуне, с которой он об'яснил, что Урупский полк в ближайшей станице, что он направляется в Майкоп и желает поэтому знать, как примут его граждане, как врага, или как друга.

— Ура! Ура!!! Слава урупцам! — радостно ответил митинг

Какой-то поп что-то пытался сказать о нарушенной урупцами присяге, но за полы был стащен с трибуны.

Вместо него на трибуну медленно поднимается старый неслужилый казак, и, обращаясь ко всем присутствующим, заявляет:

— Здесь сказано было: казаки нарушили присягу, а я говорю вам, — нет, они ее не нарушили. Присяги — бить граждан родной страны — нет, и быть не может и не должно быть. Казаки отказались исполнить бесчеловечные приказания своего начальства — бить своих братьев, и они правильно поступили. За то, что вы отказались убивать и избивать людей, я низко кланяюсь тебе, казак, брат мой...

При этом говоривший снял папаху и низко поклонился гонцу.

Это вызвало взрыв энтузиазма. Тут же были избраны две депутации — одна к атаману отдела с требованием не высылать войска против казаков, другая — для встречи полка.

С раннего утра 28-го числа на городском выгоне стали стекаться толпы народа. Вышел весь город, не меньше 20.000 человек. Тут же были приготовлены столы с закусками.

Когда урупцы выехали со станицы Келермесской, они были встречены депутацией от города Майкопа, предложившей свои услуги в качестве провожатой в Майкоп.

Торжественная встреча...

Крики одобрения и радости с обоих сторон, звуки оркестров музыки и песни молодежи — слились в общий гул.

Тысячная толпа пожимала руки казакам, крепко держащим, вместо нагаек для народа, красные знамена — символ революции.

Бесконечно великое и торжественное зрелище!

— Полк, в резервную колонну стройся! — раздалась команда Курганова, и шестьсот всадников без возни и суматохи, спокойно развернулись во фронт.

Когда приехал атаман отдела, Курганов отрапортовал:

— Полк прибыл в составе пяти сотен, без офицеров. После этого он подал бумагу, содержащую требование средств для довольствия полка.

Атаман, думая, что если казаки его так встречают, то они хотят сдаться, заявил, что может принять денежный ящик и знамя, что касается требований, то у него средств нет. На этом и закончилась встреча его с полком.

Весь город был разукрашен красными флагами и торжественно встречал в'ехавших казаков. Казаки были размещены по квартирам на ночлег... Остальное сделают завтра. Первая цель прибытия в Майкоп — получение средств — не увенчалась успехом, нужно было выполнить вторую — отпечатать прокламации. Но владелец типографии отказался печатать без разрешения полицеймейстера. Тогда казаки решили заставить полицеймейстера дать разрешение на печатание. Ему этого очень не хотелось, но другого выхода у него не было, ибо власть в городе фактически находилась в руках у урупцев и местных революционеров. Бороться с ними нельзя было, за отсутствием достаточной верной воинской силы. Разрешение было дано, при чем полицеймейстер в оправдание пишет начальнику кубанского жандармского управления следующее:

«Препровождая при сем печатное воззвание от 2-го Урупского полка, наполненное оправданиями об измене им долгу службы, сообщаю о появлении этого воззвания следующее: 29-го сего декабря, в 11 часов утра, ко мне в полицейское управление явилась толпа казаков (около 50 человек) мятежного Урупского полка с урядниками во главе и 50 мещан с агитатором, местным жителем Петражицким, и потребовали, чтобы я дал разрешение отпечатать их воззвание. На раз'яснение, что я не имею права разрешать печатать подобные воззвания, толпа, угрожая насилием и беспорядками, потребовала немедленно подписать разрешение, заявив, что они сейчас были в типографии, где им сказали, что без разрешения полицеймейстера они печатать не будут, а раз так им сказали в типографии, так я могу им разрешить. Толпа была в очень возбужденном и угрожающем настроении.

Прочитав их воззвание и приняв во внимание, что неисполнение их требований может вызвать в городе серьезные беспорядки, и что предотвратить их нет никакой возможности, так как фактически город в данный момент находится во власти мятежного полка, я написал на их воззвании: «по вынуждению урупцев и в ограждение спокойствия в городе, разрешить напечатать». Урупцы заявили, что им нужно на руки каждому по одному экземпляру, с которым они явятся в свои семьи, почему им я разрешил напечатать 540 экземпляров.

Относительно выражения моего о том, что фактически город находился во власти мятежного полка, присовокупляю следующее: за неделю раньше сюда же прибыл мятежный 14-й баталион пластунов, возвратившийся со станции Евлах. Баталион этот был встречен горожанами очень сочувственно.

Затем 28-го сего декабря возвратился из Екатеринодара мятежный 2-й Урупский полк с ружьями, с запасами у каждого казака воевых патронов по 140 штук, со знаменами и денежным ящиком, но без офицеров. Почти все жители города, свыше 20.000 человек, вышли навстречу мятежному полку с хлебом, солью, предложили закуску и приняли их, как героев.

Накануне прихода мятежного полка я был приглашен на совещание к атаману отдела, генерал-майору Косякину, где обсуждались вопросы, что можно предпринять против мятежников, так как от них ожидаем насилия. Выяснилось, что принять положительно никаких мер нельзя, так как в городе Майкопе имеется всего один взвод казаков (пол-роты солдат местного гарнизона) и два орудия. Решили принять все меры, чтобы мятежники не завладели двумя орудиями. Независимо от сего, носился слух, что революционеры имеют в виду напасть на арсенал, чтобы овладеть хранящимися в арсенале трехлинейными винтовками. Для предупреждения могущего быть разгрома арсенала, атаманом отдела приняты соответствующие меры.

Город находится в очень возбужденном состоянии, на улицах и площадях собираются толпы народа, где им говорят свои речи ораторы-революционеры. Против полиции настроение все время враждебное. Уже несколько раз толпа приказывала городовым оставить свои посты и уйти, угрожая произвести над ними насилие. Наличное число городовых (около 60 чел.) и те военные силы, которые имеются в городе Майкопе, — совершенно бессильны и недостаточны для восстановления нормального течения жизни. Одна из мер, которая может заставить нарушителей порядка держать себя в пределах закона, — об'явление на положении усиленной охраны, но эта мера неприменима в данное время за неимением должного количества войск, которых нужно не менее полка кавалерии, двух баталионов пехоты и двух взводов артиллерии, а так как такое количество войск неоткуда взять, то об'явление на положении усиленной охраны совершенно неприменимо; оно только может вызвать беспорядки, агитаторы же воспользуются этим и перетолкуют массе об'явление на положении усиленной охраны, как нарушение манифеста 17-го октября».

Разрешено было напечатать 540 экземпляров, но казаки сами взялись за печатные машины и напечатали значительно больше.

Каждый казак старался набрать полную сумку прокламаций.

Когда приходила полиция с предложением прекратить печатание, ее удаляли, и печатание продолжалось всю ночь. Всего было напечатано около 10.000. Листовка еще

говорит с уважением о царе, но в то же время протестует против насилий царизма над народом.

С одной стороны, заявление о верности царю, с другой стороны — требование освобождения пострадавших за дело свободы, т.-е. врагов царя. Дух свободы коснулся урупцев, но до понимания смысла революции они еще не доросли. Все же листовки имели огромное значение для казаков Майкопского района.

Все отпечатанные 10.000 экземпляров были развезены урупцами по станицам и послужили началом политической агитации.

Воззвание урупцев было перепечатано в газетах, и дело урупского полка стало известно далеко за пределами Майкопского отдела и Кубанской области. Правда об урупцах достигла других областей и стала известна другим воинским частям, заставляя их задумываться над тем, не правильно ли поступили восставшие.

Документ этот весьма интересен, и мы считаем нужным поместить его здесь полностью:

«ОТ 2-го УРУПСКОГО ПОЛКА КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ РОССИИ.

Граждане, обращаемся к вам за справедливым суждением о нашем деле. Мы его делали открыто и хотим, чтобы весь русский народ знал, что как было. Мы остаемся верными слугами его императорского величества государя императора и готовы защищать нашу родину от внешних врагов до последней капли крови.

Призванные по мобилизации 22-го ноября 1904 года во время войны с Японией, готовые доказать всему миру свою верность родине, жаждущие сразиться с врагом, мы волей нашего правительства были оставлены внутри России для несения полицейской службы.

Слепо повинуясь нашему начальству, мы ревностно исполняли все его приказания: били народ плетьми, разгоняли его прикладами, расстреливали безоружных граждан на улице, топтали их конями.

Мы охраняли гостиницы и публичные дома, нас отдавали под начальство городовых, которые распоряжались нами в целях своей выгоды.

В холоде и голоде несли мы свою службу, но без ропота, молчали, думая, что этим исполняем волю государеву, но когда манифестом 17-го октября наш царь дал рускому народу свободу, когда всем

стало ясно, что он хочет облегчить жизнь бедному люду, и когда нашему житью-каторге не стало облегчения, тут-то мы стали понимать, в чем главная суть есть.

Начальство наше так устроило, что манифест нас совсем не коснулся, как будто мы были турки, а не такие же верноподданные государя императора, как будто мы были не сыны родины, не такие же граждане, как и вы, не защитники отечества.

А между тем, жить становилось нам все хуже и хуже, больше не было мочи выносить.

Нам запрещали ходить на митинги, где говорилась правда, нам запрещалось под страхом наказания говорить промеж себя, обсуждать свои нужды, а когда мы заявили своему начальству, что нас кормили цвелым хлебом, что в казенных сухарях был шашел, не говоря уже за мясо и горячую пищу то один из офицеров Б. сказал с насмешкой, что вы дома ели хуже, чем мои собаки едят, а тут еще не нравилось вам казенное кушанье.

Нас приравняли к собакам, не посмотрели на нашу просьбу. Нами заменяли лошадей, на нас вывозили конский навоз со двора, как это было в 5-й сотне.

Лошадей наших кормили прелой осокой, как это было во время пребывания полка в лагерном сборе в станице Крымской, при чем от такой пищи многие из лошадей пали, а многие позаболели.

Несколько раз мы заявляли о нашей тяжелой жизни начальству, нам отвечали на наши просьбы обещанием предать суду, отборной бранью и угрозами застрелить всякого, который осмелится пожаловаться на свое положение.

Нас заставляли молча оберегать те «заведения», где офицера в весельи проводили время.

Гаждане, тяжело нам пришлось, так тяжело, что и рассказать нельзя. Горько и обидно нам стало, когда после манифеста 17-го октября, правительство заставляло нас итти против воли государя, дозволившего свободу собраний, слова, совести и союзов, когда оно заставляло нас разгонять собрания, убивать народ, требующий своих законных прав, как это было в городе Екатеринодаре, а до этого в городе Новороссийске. Мы поняли, какое преступление мы совершали перед нашей горячо-любимой родиной, исполняя безумные приказания наших начальников, а потому мы категорически отказываемся от

несения полицейской службы, видя ее преступность, считая ее несовместимой с воинской честью казака.

Мы обратились тогда с заявлением о роспуске к нашим офицерам как к старшим, так и младшим, мы об'яснили им, что война окончена, что нас держат для усмирения того народа, который хочет свободы, что хозяйства наши без нас порасстроились, что многие из нас совсем разорились, что наши жены и дети голодают в то время, как мы находимся на полицейской службе, мы об'яснили им, что никто не позаботился о наших семействах, мы об'явили, что хотим раз'ехаться по домам.

Что же сделало наше правительство?

Пошло ли оно навстречу желаниям казачества?

Нет! Оно стало упрекать нас в бунте, в измене присяге царю и отечеству, оно не хотело исполнить наших просьб, стараясь строптивостью и грубостью задавить голос наболевшейся души. Но когда наше начальство увидело, что мы держимся дружно, то оно не дало нам окончательного ответа, стараясь уклониться от него, возбуждая в то же время против нас пластунов. Так, например, по приказанию генерал-майора Бабича, были вызваны для охраны наказного атамана ко дворцу две наших конных сотни, в то же время около дворца стояли 2 сотни пластунов, которым предлагали расстрелять нас, как бунтовщиков, но они отказались, так же как и мы отказались, когда нас хотели натравить на 252-й Анапский резервный батальон.

Когда же, таким образом, коварные замыслы нашего начальства не удались, благодаря отказу пластунов, когда мы узнали, что правительство мобилизует казаков быть может с целью натравить против нас, то сочли за благо удалиться из Екатеринодара в свой отдел.

Решили мы это сделать потому, что не хотели крови, не хотели братоубийственной войны, которую хотело устроить наше начальство, натравив солдата на казака, казака на солдата, казака на казака, брата на брата, чтобы потом покрепче сесть на нашу шею; мы же хотим мира и спокойствия, мы хотим счастья для всех граждан и, поняв, наконец, поведение нашего начальства, которое заставляло нас избивать наш народ, жаждущий справедливости и свободы, мы присоединяем свой голос к голосу всей России и требуем:

1. Немедленного созыва государственной Думы на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, так как только такая дума может внести мир и спокойствие в нашу страну.

2. Требуем немедленного освобождения всех людей, пострадавших за дело свободы.

3. Чтобы наш роспуск был узаконен и прочитан при станичных сборах.

4. Удовлетворить нас всеми довольствиями, положенными от казны и войска, а именно: жалованием, ремонтными, провиантскими, приварочными, фуражными, положенными от города, железной дорогой и обмундировочными деньгами.

5. Чтобы никто из пред'явивших эти требования не пострадал, за каждого пострадавшего казака восстает на защиту весь 2-й Урупский казачий полк».

По вынуждению урупцев и в ограждение спокойствия города разрешил к печатанию И. д. полицеймейстера—Ромащук.
Майкоп. Тип. П. Чернова

ГЛАВА VIII.

Как относились станицы к восставшим.

31-го декабря полк вернулся в свою станицу Гиагинскую и принялся за агитационную работу. Казаки, кроме необходимых для охраны имущества полка, были снабжены воззваниями и разошлись по станицам. Все 42 станицы Майкопского отдела были разбиты полком на 6 участков, и во главе каждого из них стоял участковый начальник, державший конную связь со штабом и получавший от него распоряжения. Участковым начальникам подчинялись станичные начальники из числа урупцев каждой станицы.

Подобная разбивка была необходима штабу для того, чтобы непосредственно держать в поле зрения весь численный состав полка, обязанный собраться по первому зову Курганова, и как нельзя более соответствовала действительности, так как через указанные промежуточные дистанции все донесения и распоряжения быстро выполнялись.

Не имея никаких материальных рессурсов, и никакой связи с другими восставшими организациями, полку необходимо было заручиться поддержкой станиц.

Кроме своих урупцев, агитацию в пользу полка вели также некоторые казаки и иногородние крестьяне отдельных станиц, а также наезжавшие из Майкопа и Екатеринодара агитаторы революционных организаций.

Но сатрапы самодержавия тоже не дремали. Не имея возможности разбить урупцев вооруженной силой, за отсутствием

достаточно надежных воинских частей, они бросились по станицам возбуждать казаков против мятежников.

Станичным атаманам было предписано «изменников урупцев» арестовывать и препровождать в Екатеринодар. Офицеры раз'езжали по станицам и по одиночке сманивали казаков, и некоторых им удалось уговорить вернуться в Екатеринодар.

На всех станичных сходах шла борьба между сторонниками восставших и офицерами, и в некоторых случаях последние имели успех, так, например, в станице Тенгинской сход постановил мятежников исключить из воинского звания, и усилиями атамана Митицына был сформирован отряд против урупцев.

Курганов, узнав об этом, написал атаману угрожающее письмо, и отряд немедленно был распущен.

В той же станице генерал Бабич и Котрахов уговорили двадцать урупцев вернуться в Екатеринодар; те обещали, но благодаря агитации старика-казака Дудкина, сын которого был в их числе, ночью отправились в Гиагинскую к Курганову.

Некоторые станицы выносили резолюции или приговоры всемерной поддержки урупцев вплоть до оказания им вооруженной помощи, если против них будут открыты военные действия. Отдельные группы казаков и иногородних вооружались и готовились притти на помощь восставшим.

Станица Келермесская прямо заявила, что считает поступок урупцев правильным, и если кто-либо из них пострадает, то все жители станицы с оружием в руках присоединятся к полку.

Станица Гиагинская поддерживала, кормила восставших и усиленно вооружалась.

Если какая-нибудь из станиц и поддавалась агитации офицерства, то все же не настолько, чтобы занять позицию враждебную урупцам.

Вот образец дипломатического постановления схода станицы Ладожской:

«Приговор № 11.

1906 года, февраля 2-го дня, мы, нижеподписавшиеся, жители станицы Ладожской, Екатеринодарского отдела, Кубанской области, быв сего числа на своем станичном сборе в числе 160 человек, где в присутствии станичного атамана вахмистра Ивана Клыкова слушали читанные нам приказы Кубанскому казачьему войску от 2-го и 24-го января сего года за №№ 1 и 26, препровожденные при предписании атамана Екатеринодарского отдела, от 28-го января с. г. за № 832, о поступке казаков 2-го урупского полка, и принимая во внимание, что

всякий поступок обусловливается причиною его, и что причины бывают уважительные и неуважительные, которых мы не знаем в отношении поступка урупцев, но полагая, что причины должны были быть и у них, а потому мы не можем ни оправдать, ни обвинить 2-й Урупский полк; мнение же наше о поступке казаков 2-го Урупского полка будет на стороне причин, побудивших казаков к их поступку»....

ГЛАВА IX.

Начало конца.

Атаман после неудачной попытки разбить урупцев при помощи мобилизованных екатеринодарцев, так как последние стали выражать сочувствие урупцам, вновь пытался создать отряд из добровольцев всей области.

С этой целью был издан приказ по всему Кубанскому войску, в котором говорилось о несмываемом позоре, наложенном урупцами на казачью честь всего войска, призывались сами казаки привести бунтовщиков к повиновению начальству. Приказ этот читался на сходах всех станиц, но видимой пользы не принес, казаки на него не отозвались. Эта последняя мера убедила верхи начальства, что силами добровольцев восстания не подавить, и оно стало деятельно готовить вооруженную силу из воинских казачьих частей, которых в последнее время, благодаря ослаблению общего хода революционных событий в России, забрали в ежевые рукавицы и в которых укрепили дисциплину.

В начале февраля 1906 года был сформирован специальный отряд из 2 сотен 3-го Екатеринодарского полка, 2 сотен 13 пластунского батальона и двух орудий Кубанской казачьей батареи под командованием войскового старшины Мудрого.

Гиагинская и все соединенные с ней станицы были об'явлены на военном положении, всякое сообщение между Гиагинской, Усть-Лабой, Майкопом и Армавиром было прервано.

Отряд двигался с таким расчетом, чтобы, окружив Гиагинскую, заставить урупцев сдаться.

Телеграфисты немедленно сообщили штабу полка о надвигавшейся опасности.

В это время Курганов находился в станице Псебайской, а оставшийся его заместителем ад'ютант полка Корягин, тотчас же распорядился через участковых начальников о немедленном сборе всех урупцев.

Насколько сильна была их выдержка и спайка, показывает тот факт, что несмотря на 100 — 120-верстную отдаленность от Гиагинской некоторых казаков, на следующий день после приказа весь полк был в сборе.

Восставшие решили пока воздержаться от выступления, наблюдать за движением отряда и, по возможности, стараться завязать с ним сношения.

Одновременно полк обратился к некоторым воинским частям Екатеринодара с просьбой притти на помощь. Вот обращение к анапцам.

«ВОЗЗВАНИЕ 2-го УРУПСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА К АНАПЦАМ.

БРАТЦЫ АНАПЦЫ!

Мы первые протянули к вам руку дружбы, вы не отвергли нашей руки и сочувственно отнеслись к нам, и последнее время, которое мы провели в гор. Екатеринодаре, мы были только верными друзьями и товарищами, что и было доказано нами с обоих сторон. Когда нас травило гнусное правительство на вас, мы от этого беззаконного поступка отказались, и когда то же гнусное правительство травило вас на нас, вы тоже, по человеколюбию и исполняя долг христианина, отказались от этого гнусного поступка, который так особенно любит наше безбожное начальство.

Братья! Теперь мы в самом тяжелом и безвыходном положении, нас хотят расстрелять, как преступников, да и преступников, которые убивают людей, и тех не расстреливают, а против нас выставили черносотенцев, которые уже стоят в станице Тенгинской; последняя наша схватка близка и очень близка. Нам об'явлена бомбардировка на шестое февраля. Прибегаем к вам с покорной просьбой, станьте на защиту нас, приезжайте к нам как родные братья и помогите нам разогнать отверженных и презренных во всем мире черносотенцев, а уважаемых одними лишь нашими начальниками. Товарищи! Если вам никак нельзя будет приехать к нам, то вы сочувственно отнеситесь к нам, как братья наши. Заявите наказному атаману так: если будете расстреливать урупцев — наших братьев, мы будем расстреливать все начальство в г. Екатеринодаре и требуем, чтобы нас везли туда же на выручку 2-го Урупского полка, так как все ихние требования мы находим справедливыми и требуем оставить их в покое.

Товарищи, а может быть вы можете прямо прибыть к нам и самовольно. Грузитесь, как мы, и спешите к нам соединиться. И вместе будем отстаиватъ свободу и восстановим царский манифест.

Казаки 2-го Урупского полка».

Но никто на помощь не явился.

Сторожевые посты урупцев в Усть-Лабе пытались завязать сношения с казаками наступающего отряда, но зоркая слежка офицеров этого не позволяла.

Сами офицеры потом признавались, что казаки их отряда шли весьма неохотно и не было никакой возможности быть уверенным в том, что в нужную минуту они не откажутся стрелять.

Настроение отряда было хорошо известно урупцам, и они, несмотря на решение, в случае необходимости драться, надеялись, что до боя дело не дойдет, часть их все же понимала, что если пропаганда среди казаков отряда не удастся, то бой—неминуем. На всякий случай нужно было принять меры предосторожности и защиты.

Была выработана система обороны. Станица была разбита на отдельные участки, которым заранее были даны определенные боевые задачи. Была устроена мастерская пуль, кое-где рылись окопы.

Разведка не отдыхала ни днем, ни ночью. Гиагинская превратилась в укрепленный лагерь.

Об этом знал командир наступающего отряда Мудрый, которого пугала перспектива вступить в бой с врагом, укрепляющим свои позиции, и иметь против него всего 4 сотни кавалеристов с настроением, не внушающим особого доверия.

Это соображение и заставило Мудрого вступить в переговоры с Кургановым, прельщая последнего обещанием помилования в случае добровольной сдачи полка и выдачи некоторых зачинщиков.

Урупцы, получив письменное предложение такого рода, созвали общий сход, посоветовались и лаконически ответили запиской: «Полк не сдается и никого не выдает. В случае, если его захотят заставить сдаться силой, то он тоже ответит силой. Временно командующий полком Курганов».

Через несколько времени Мудрый вновь послал письменное требование о сдаче полка с предупреждением, что, если сдача не произойдет до 5-го февраля, то начнется бомбардировка станицы. И, получив вторичный отказ, Мудрый телеграммой сообщили станичному атаману о немедленной эвакуации станицы Гиагинской к утру 6-го февраля, так как последняя об'является на осадном положении.

Некоторые урупцы начали колебаться: оставаться ли им в станице, или, отступив, принять бой в другом месте? Не хотелось подвергать разгрому станицу, принявшую восставших, как своих братьев; где-нибудь в горах было бы не трудно найти удобную позицию для боя, и это избавило бы станицу от грозящего ей разорения.

Полк решил выйти из Гиагинской, отступить в горы и начать партизанскую войну. Однако, против такого решения протестовали все граждане станицы, обратившиеся к полку на общем сходе с следующим заявлением: «Так как мы вас приняли, как близких родственников, то вы, урупцы, не должны нас бросать, тем более, что мы сами жертвуем для вас всем, что от нас потребуется. Пусть бомбардируют, пусть разбивают, мы будем вместе».

Оставалось одно: отказаться от принятого решения и принять бой в станице. Настроение было бодрое, и никого не пугала возможность схватки. На каждой улице вокруг площади, было поставлено по одной сотне, лошади были отведены в сарай под прикрытие, с минуты на мануту ожидали открытия артиллерийского огня.

Отряд Мудрого был разбит на две части: одна обходным движением окружала станицу со стороны Келермесской, другая двигалась прямо на Гиагинскую со стороны Тенгинской.

6-го февраля утром, когда стало известно движение обоих частей отряда, полк выслал им навстречу агитаторов. Те из них, которые были отправлены в ряд, идущий со стороны Тенгинской, не решались близко подойти и вернулись обратно. Другие, посланные на Келермесскую, под руководством Соколова, смело пошли вплотную к неприятелю. Когда отряд шел развернутым фронтом, Соколов выехал ему навстречу и, не обращая внимания на офицеров, начал кричать: «Братья-казаки, вас ведут обстреливать урупцев. Не стреляйте — мы ваши братья, присоединяйтесь к нам, бросьте начальство...».

Но офицеры немедленно спохватились, и через несколько минут Соколов лежал крепко связанный по рукам и по ногам. Отряд продолжал наступление.

Более горячих казаков из осажденных приходилось удерживать от желания выйти из станицы и встретить неприятеля атакой.

Утром 6-го февраля началась бомбардировка с двух сторон, усилившаяся к концу дня и прекратившаяся только поздно вечером; активное наступление на станицу все же еще не было проведено.

В тот же вечер к полку пришла толпа стариков, женщин и детей, под предводительством духовенства с иконами и певчими, и стала уговаривать урупцев скорее сдаться и этим спасти от разрушения хозяйство мирных жителей. Полк растерялся;

и начали раздаваться голоса в пользу сдачи, подкрепляемые возможностью наступления в эту же ночь.

Вновь начать агитацию в отряде урупцы не решались, и полк не знал, что его ожидает.

1) Бычков, 2) Курганов, 3) Шумаков. (Снято в тобольской центральной каторжной тюрьме).

В это время пришла какая-то девочка из станицы Келермесской, неизвестно кем присланная, сообщившая, что у отряда иссяк запас снарядов и что за ними уже посланы специально подводы в Майкоп. Ее показания о расположении артиллерийских и кавалерийских частей несколько ободрили

командование полка, а Кургановым было внесено такое предложение: послать человек 20 — 25 урупцев для захвата подвод со снарядами, которые должны были следовать из Майкопа, и в то же время всем полком двинуться на Келермесскую, захватить школу, где помещались офицеры отряда, перебить их и, присоединив к себе казаков отряда, уж соединенными силами наброситься на другую часть осаждающих и уничтожить ее.

Но выполнить этот план не удалось: настроение большинства урупцев упало настолько, что совершенно парализовало боеспособность полка. Когда Курганов стал вызывать охотников для захвата снарядов и сказал, что для этого нужно человек 25, согласилось всего несколько человек, остальные молчали. Тогда он предложил план отступления в горы для ведения партизанской войны, но и на это согласилось всего несколько десятков человек.

При таком количестве единомышленников рассчитывать на успех нельзя было, тем более, что кругом постепенно уменьшались революционные выступления.

Курганова и других выборных командиров пугала мысль, что их могут обвинить в измене и трусости. Им казалось, что, добровольно отдавая себя в руки палачей и этим обрекая себя на верную гибель, они совершают настоящий революционный подвиг.

Твердого решения не было и у самого Курганова, но в это время три урупца, без ведома и согласия большинства, отправились к станичному атаману просить пощады. Пришлось капитулировать на милость победителя.

ГЛАВА X.

Урупцы сдаются.

Рано утром 7-го февраля, от атамана приехали старики-казаки, привезшие бумажку с обещанием никого из урупцев не подвергать наказанию, если сдадутся, и с указаниями, в какой форме это должно быть произведено.

Полку предлагалось выехать по направлению станицы Тенгинской и на трехверстном расстоянии впереди выставить все винтовки как свои, так и отбитые в январе месяце, позади оружия поставить лошадей, а самим выстроиться и ждать распоряжений.

Полк сообщил о готовности сдаться.

В условленном месте стояла тысячная толпа жителей окрестных станиц, желая предохранить своим присутствием побежденных от расправы над ними офицеров.

Полк выполнил все указанные условия и покорно стоял, ожидая прибытия начальства. Сначала перед выстроившимися

урупцами проехало несколько офицеров, проверить — точно ли выполнены требования начальства.

Наконец, приехал сам всесильный наказный атаман в сопровождении высшего офицерского состава.

Держались они на почтительном расстоянии от урупцев, подходили так медленно и робко, словно самим себе не верили, что полк втечение двух месяцев никого и ничего не признававший, действительно сдался. Они все думали, что урупцы им готовят западню, и внимательно следили за каждым движением казаков.

Наконец, они приблизились.

Оскорбленная гордость и не прошедший еще страх наказного атамана не позволяли ему даже кивком головы поздороваться с мятежным полком, и он ограничился лишь приветствием по адресу стоявших в стороне стариков-станичников. Офицеры об'явили урупцам, что они вновь входят в подчинение старого начальства. Затем их тотчас же заставили принять вторичную присягу, и командование полком опять перешло к Котрахову.

Курганов, сдав полномочия, ушел по приказанию Котрахова вместе с полком в Гиагинскую, где были сданы полковое знамя и денежный ящик с неповрежденной полковой печатью.

Пробыв один день в Гиагинской, полк был отправлен в Усть-Лабу для дальнейшего следования в Екатеринодар; из Усть-Лабы он выступил 9-го января и на следующий день был в Екатеринодаре.

Насколько командование еще не было уверено в своей победе, доказывает тот факт, что когда урупцы после сдачи потребовали освобождения, продолжавшего лежать связанным Соколова, Котрахов это немедленно исполнил.

За эти дни не было произведено ни одного ареста, ни один офицер не оскорбил урупца.

Прошло несколько спокойных дней, втечение которых власти Екатеринодара втихомолку деятельно готовились к расправе над «преступниками», ища лишь удобного случая выловить всю головку движения.

Первый им попался Волконогов.

Он подошел к казарме и попросил дежурного казака вызвать к нему Курганова, которому хотел предложить вместе уехать за-границу, чувствуя, что над ними уже простирается карающая кровавая рука венценосного самодержца.

Вместо ответа, его арестовали и, подвергнув пытке раскаленным железом, отправили в тюрьму.

Следующими были арестованы в городском саду и отправлены на гауптвахту Курганов и Соколов, затем постепенно в руки «правосудия» попало 38 человек, принимавших наиболее активное участие в восстании.

ГЛАВА XI.

Суд и расправа.

30-го сентября 1906 года, в Екатеринодаре, выездная сессия временного Тифлисского военно-окружного суда начала слушанием дело восставших урупцев.

День за днем, тягуче, медленно шел суд. В Екатеринодаре, в Новороссийске, Майкопе начались массовые забастовки рабочих, руководимые революционными организациями, которые в тысячах распространяемых прокламаций призывали всех к протесту против возможности смертного приговора над частью подсудимых.

С мучительным нетерпением все ждали окончания суда, и, наконец, через 14 дней он окончился, вынеся приговор, по которому:

«По обстоятельствам дела и принимая во внимание, что преступная деятельность зачинщика подсудимого казака Курганова, начавшись в гор. Екатеринодаре, в более резкой форме проявлена им в станице Гиагинской, находившейся в то время на военном положении, суд избрал этому подсудимому наказание, положенное л. б. 110 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, а именно — лишение всех прав состояния и смертную казнь, каковую суд определил через расстреляние; зачинщику подсудимому медицинскому фельдшеру Шумакову суд определил наказание положенное л. а. 110 ст., а именно—лишение всех прав состояния и ссылку в каторжную работу без срока. Это же наказание суд определил подсудимому казаку, бывшему вахмистру, Бычкову, который, хотя и не признан зачинщиком по делу, но между восставшими был старшим по званию, при чем праволишение и последствия для подсудимых Курганова, Шумакова и Бычкова определил по 25, 27 и 28 ст. ст. Улож. о Нак. Угол. и Испр. Приняв же во внимание уменьшающие вину подсудимых обстоятельства, суд признал справедливым назначить всем этим трем подсудимым избранные им наказания ниже на две степени каждому и в окончательном выводе определил подсудимому казаку Курганову — ссылку в каторжную работу на двадцать лет по высшей мере 2 степени 19 ст. того же уложения, а Шумакову и Бычкову — ссылку в каторжные работы на пятнадцать лет каждого, по низшей мере 3 степени 13 ст. Уложения, при чем высшая мера назначена на основании 118 ст. того же Уложения. Для этих подсудимых определенные им наказания влекут вместе с тем лишение воинского звания, а для Шумакова, сверх того, унтер-офицерского и фельдшерского звания и исключение из военной службы.

Остальным подсудимым, признанным по делу сообщниками, суд на основании 75 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, по обстоятельствам дела избрал нижеозначенные наказания, с лишением их, подсудимых, некоторых прав и преимуществ по службе и переводом в разряд штрафованных каждого, а именно: а) казаков Гавриила Горбова, Владимира Дорошенко, Федора Загуменного, Ефима Крикунова, Николая Сушкова, Ивана Сулиму, Алексея Гаврилюка, Дорофея Корягина, Абрама Соколова, Ивана Милюгина — отдать в дисциплинарные батальоны или роты на два года каждого, с лишением Горелкина звания приказного, б) казаков: Федора Алейникова, Сергея Деревенского, Наума Онещука — отдать в дисциплинарные батальоны или роты на один год каждого, г) казаков: Андрея Богачева, Федора Бородина, Григория и Семена Выгоновых, Порфирия Гамова, Трофима Гречанова, Сергея Душина, Григория Мухина, Григория Раутова, Сергея Рудакова, Прокофия Щербаноса, Василия Тронева (он же Тронь), Максима Милова и Михаила Щеглова — взамен одиночного заключения в военной тюрьме по высшей мере 1 степени 61 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, выдержать под арестом на хлебе и воде восемь недель каждого. Деяния подсудимых ветеринарного фельдшера Рудь и казака Маковкина, составляя подстрекательство к неповиновению, каковое в действительности было оказано, предусмотрены 112 и 105 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3 и влекут — лишение некоторых прав и преимуществ по службе и отдачу в дисциплинарные батальоны или роты от двух до трех лет. По обстоятельствам дела суд избрал обоим подсудимым отдачу в дисциплинарные батальоны или роты по 1 степени 49 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3 и на основании 120 ст. улож. о нак. определили каждому из них высшую меру этой степени, а именно — отдачу в дисциплинарные батальоны или роты на три года с переводом в разряд штрафованных и лишением некоторых прав и преимуществ по службе, а Рудя и унтер-офицерского звания. Все подсудимые, осужденные к отдаче в дисциплинарные батальоны могут подлежать телесному наказанию в дисциплинарном порядке во время заключения их в означенных батальонах или ротах *.

Суд над Кургановым и другими руководителями движения поразил своей «мягкостью»; вместо смертной казни, которая им угрожала, они были присуждены к долголетним каторжным работам.

Почему такое мягкосердие?

Потому, что суд нашел «смягчающие вину обстоятельства», т.-е. он нашел, что восставший полк мог бы наделать еще больше неприятностей.

---

* Из приговора Тифлисского военно-окружного суда.

Кто помешал бы «бунтовщикам», не признававшим никакой власти начальства, силой своего оружия мобилизовать против начальства еще несколько тысяч казаков?

Кто заставлял урупцев итти на поклон к атаману Майкопского отдела просить средства на довольствие? Разве они не могли его заставить дать все необходимое?

Разве трудно было снять печати с денежного ящика и овладеть имевшимися в нем деньгами?

Урупский полк этого не сделал и это послужило поводом для смягчения меры наказания.

Суду стыдно было сознаться, что он еще чувствует раскаты революционного грома, что он боится раздражать остальных казаков, и он показал себя мягкосердным к «заблудшему» стаду.

А почему же урупцы действовали так мягко?

Потому, что казаки только начали учиться, как нужно бороться с самодержавием и с чего эту борьбу начинать, но не имели никакого революционного опыта и не имели руководителя..

Восстание урупцев во многом было наивно, неорганизованно и недостаточно революционно.

И все же, восстание 2-го Урупского казачьего полка останется в истории первой Российской революции первым шагом казачества по пути к сотрудничеству с рабочими и крестьянами, против насилия господствовавшего строя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Прокламация №№ 1 и 2.

ТОВАРИЩИ КАЗАКИ!

Вот мы и идем домой. Начальство наше, видя все возрастающее недовольство, решило, что лучше по-добру отпустить нас, хорошо помня Евлахскую историю. Теперь, расставаясь с нами, оно решило сказать нам на прощание доброе слово: пришли офицеры, пришли командиры, пришел, наконец, и сам генерал. Нас опять выстроили, вытянули и заставили целыми часами стоять под ружьем, чтобы начальство простилось с нами. Этим они хотели показать нам свою «любовь», любовь, которую мы слишком хорошо чувствовали все время нашего нахождения под их жестокой командой. И вот начал говорить генерал. Вникнули ли вы, товарищи, в его слова, поняли ли вы, как он нас глубоко оскорбил? Поняли ли вы, с кем он нас сравнил? Он говорил: «Вы, казаки, — единственная наша опора, вы уезжаете, как же нам остаться без вас? Вы — единственная наша опора; мы держимся на вас». Да, товарищи, к сожалению, это так. Тогда, когда народ по всей России требует улучшения своей жизни, когда всюду с голоду восстал народ, когда все увидали, что такое наше правительство, когда все ясно увидали, что правительство — не защита народу, а враг народа, — мы, казаки, слепо шли за ним, нас обманывали подачками, нас соблазняли титулом «верных слуг» и мы этим гордились. Зато весь русский народ ненавидит казаков. От одного конца России до другого носятся проклятия по их адресу. «Кровопийцы», «изменники народному делу»—вот те прозвища, которыми награждают казаков. И теперь генерал высказал в своей речи это.

Товарищи! Стыдно нам, потому что палачи народа протягивают нам свои обагренные кровью руки и говорят нам: «Вы наши друзья». Неправда. Мы плоть от плоти и кость от кости народа и, где народ, там и мы. Не против народа мы должны итти, а с ним, потому что горе народа — наше горе, нужды народа — наши нужды. Не сегодня - завтра мы пойдем домой, мы, сами крестьяне, мы тоже будем требовать улучшения жизни и что же? — Эти же, проливающие теперь крокодиловы слезы генералы, вышлют против нас таких же слепых, темных людей,

как мы. А суд народа? Придем домой, наши братья спросят: стреляли ли вы в народ, в крови ли ваши руки? — И горе нам, если это будет так. Довольно! Многое мы поняли на военной службе, и когда поедем домой, мы должны и другим темным нашим товарищам раз'яснить — в чем дело. Народ требует земли и воли, и мы должны стать рядом с народом и вместе с ним добывать землю и волю. Видите, как правительство глумится над нашими представителями в государственной Думе. Довольно! Пора очнуться! Сплотимся же за землю и волю!!

Группа казаков 14-го Пласт. батал.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К КАЗАКАМ.

Граждане казаки! Тяжелое время мы переживаем теперь... Кровожадное правительство водворяет повсюду могильную тишину, пытается задушить смелый человеческий голос в казематах и рудниках, расстреливают и казнит лучших наших товарищей, оно, как бешеный зверь свирепствует по всей стране, внося всюду ужас и разрушение, вызывая везде тяжелые стоны и сдавленные рыдания... И в то же время правительство усиленно зовет своих верных сынов в государственную Думу, надеясь при помощи их упрочить свое шаткое положение и в союзе со своими приверженцами-дворянами и богачами вновь закрепостить русский народ. Всем, у кого бьется живое сердце и кто восстанет против произвола тиранов, нет доступа в эту Думу. Призываются туда только верные слуги правительства. Вам, казаки, тоже дано право выбора в Думу, стало быть вас правительство тоже считает верными и надежными сторонниками самодержавия.

Граждане-казаки! Как ни тяжело это говорить, а нужно сознаться, что до сих пор вы оправдывали расчет правительства и ревностно несли полицейскую службу, избивая и расстреливая по всем городам необ'ятной России ваших братьев, восставших на защиту угнетенного народа; еще до сих пор вы верите в начальников, считаете их своими благодетелями. — Да, это тяжелая, горькая правда.

Граждане-казаки! Вдумайтесь лучше в свое положение. Что вас привязывает к грабителям народным, чем они вас так обворожили. Разве вы не родные братья рабочим и крестьянам, умирающим за великое дело свободы, разве вы не те же трудящиеся люди, из которых старается выжать все соки разная дворянская и чиновная сволочь, разве вам уж так сладко

живется под крылышком заботливого правительства? Неужели тяжелая воинская повинность, отрывающая вас от семьи, отнимающая у вас лучшие годы жизни, разоряющая ваше хозяйство, неужели эта повинность не раскрыла еще вам глаза на все подлости самодержавных чиновников? Правительство зовет вас в Думу, расчитывая, что не упала повязка с ваших глаз и что вас еще можно водить за нос. Ему нужны не истинные представители народа, выбранные всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, а процеженные и подтасованные депутаты, которые будут плясать по дудке своего благодетельного начальства. Быть может, многие из вас не знают, что и самую Думу правительство созывает лишь потому, что за-границей ему больше не дают денег взаймы на усмирение народа.

Быть может, многие из вас еще не слыхали, что манифест 17 октября уже отменен манифестом 20 февраля. По этому манифесту наряду с Думой учреждается вторая палата (Государственный совет), где будут заседать члены на половину назначенные самим правительством, на половину выбранные дворянами, купцами, фабрикантами и попами — вся эта свора будет задерживать законы, клонящиеся к пользе трудящихся классов населения, так как без одобрения второй палаты «не может восприять силу ни один закон». По этому же манифесту устанавливается безответственность министров перед народом: министры не отвечают за свои действия перед Думой и на запросы депутатов имеют право не давать ответов; кроме того, им предоставляется право самим издавать законы в то время, когда Дума не собирается, от них же в сущности зависит, когда созвать и когда распустить членов думы. Одним словом, в их руках попрежнему остается самодержавная власть, а Дума будет служить лишь прикрытием произвола тиранов. Вот в какую Думу приглашает вас, казаки, наше самодержавное правительство. Но и в такую Думу правительство старается провести покорных и послушных членов. Для этого установлены не всеобщие, не прямые и не равные выборы. Вы не прямо будете выбирать в думу того, кто вам по сердцу, а лишь изберете уполномоченного, который поедет в отдел, чтобы выбрать выборщиков и лишь выборщики выберут членов Думы. А для того, чтобы и при таких трехэтажных выборах не попал в думу порядочный человек, повсюду об'явлено военное положение, в том числе и у нас; запрещены всякие собрания, где можно было бы вам столковаться, поговорить о своих нуждах и наметить хорошего человека. Но и этого еще мало... Начальство зорко следит за выборами, удаляет и сажает по тюрьмам лучших людей и едва ли оставит на свободе того депутата, который показался ему слишком смелым. По недавнему раз'яснению Дурново, может быть подвергнут аресту даже член Думы, а об уполномоченных и выборщиках и говорить нечего.

Братья-казаки! Русский народ давно уже понял эту новую ловушку, расставленную ему самодержавными палачами: в Петербурге и других городах сознательные крестьяне отказываются от участия в этой Думе и об'явили ей бойкот. Так поступили и крестьяне по многим местам.

Перед вами, казаки, два выбора: или попрежнему остаться приспешниками самодержавного правительства и заслужить позор и проклятие потомства, или же навсегда порвать с этим правительством и присоединиться к борющемуся народу. Для сознательной части народа ясно как божий день, что новые порядки должно учреждать не правительство, изолгавшееся и проевшее многолетний народный труд, не правительство, место которого на скамье подсудимых, а сам народ через своих выборных в учредительном собрании.

Пора затишья проходит, задавленный народ снова начинает подниматься и быть может в тот момент, когда самодержавные палачи начнут вершить дела в черносотенной Думе — начнется и новый великий бой с угнетателями народа. Мы, социал-демократы, призываем вас, казаки, стать в ряды народной армии. Будьте для нас отныне не убийцами и палачами, а верными товарищами по общему делу, смело присоединяйтесь к тому боевому кличу, который раздается по всей стране.

Долой царскую Думу!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует всенародное вооруженное восстание!

1.

Среляй, казак, верней целись,
Бей прямо в сердце, а не мимо.
Убей «врага», не промахнись,
Такое «зло» недопустимо.

Стреляй, казак, в кого велят.
Забудь отца, родного брата,
Забудь жену, забудь и мать,
Лишь помни «памятки казака»!

Попы тебя благословят:
Убьешь отца, греха не будет,
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашей службы не забудет».

В далекий край служить пошлют,
На родине вас не оставят,
Ружье, мундир вам там дадут
И быть машиною заставят.

Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать принудят,
По рюмке водочки дадут
И ею вашу совесть купят.

Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
А им, как дерзким бунтарям,
Штыки да пули лишь подносят.

Стреляй, казак, коли штыком,
Кусай зубами, бей прикладом,
Но помни в этот миг о том,
Что бьешься ты с голодным братом.

2.

«Ликуйте дети. С битвы славной
Вернулся ваш герой — отец,
Благодарите, дети, бога,
Что пощадил его творец.

Скорей же все его обнимем,
Отец, отец вернулся к нам...»
Так говорила мать-казачка
Своим малюткам сыновьям.

Казак угрюмый и печальный
Порыв семьи остановил, —
Пришлец словами покаянья
В сердцах их радость омрачил:

«Я недостоин славной встречи:
Жизнь на отчизну не щадя,
С врагом не мерялся я силой...
Я — не герой, разбойник я.

Я славу смелых, храбрых предков
Позором тяжким заклеймил:
Стрелял я в безоружных братьев,
Их жен, отцов я не щадил...

Великий грех меня терзает,
Я слышу голоса сирот:
«Где наш отец, где мать, где братья?
Вот их убийца, вот он, вот».
Проклятья гложат мою душу,
Везде преследуют меня.
Не обнимайте-ж меня, дети:
Я — не герой, разбойник я».

Армавирская группа Северо-Кавказского союза.

Отпечатано 2.000 Март 1906 года.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К КАЗАКАМ.

Казак! Задавал ли ты себе вопросы: кого царское правительство окрестило именем крамольник, чего хотят эти крамольники и кому служишь ты, казак? Спрашивал ли ты себя, правы ли эти люди, добра или зла хотят они народу, и прав ли ты, когда без жалости давишь их своим конем и стегаешь нагайкой? Знай, казак, что крамольники—это те люди, которые жертвуют своими радостями, своими семьями, всем, вплоть до жизни, ради блага народа, ради его счастья, ради его свободы. Участь их горька, жилище их — тюрьма, счастье народа — их счастье, горе народа — их горе. И этих-то людей правительство старается всячески осквернить, называет их самыми мерзкими, унизительными именами, носить которые подобает только ему. Крамольниками теперешнее самодержавное правительство называет всех тех, кто стремится к счастью народа, кто ведет борьбу с правительством. Кто же стремится к этому счастью, кто ведет борьбу с правительством? Весь обездоленный народ. Значит, весь обездоленный народ в глазах правительства является крамольником. Народ требует, чтобы страною управляли его выборные. Правительство противится: ему жаль расстаться с самовольным распоряжением народных денег. Оно не хочет расстаться с бесконтрольною властью. Крестьяне требуют земли. Правительство не дает потому, что оно само состоит из крупных земельных собственников. Крестьяне хотят освободиться от опеки различных урядников, земских начальников, становых и других угнетателей народа, они сами хотят строить свою жизнь, не по указу начальства. Рабочие, как более всех обездоленные, угнетаемые, больше всех заинтересованы в том, чтобы законы создавались не министрами, назначенными царем, а истинными народными представителями. А это опять-таки не по нутру самодержавному правительству, заботящемуся только о себе и о своих приспешниках. Если Россией будет управлять сам народ через своих выборных, то ведь министры не будут получать такие бешеные оклады, как теперь, не будут выжимать последние гроши из народа и жить себе, утопая в роскоши и богатстве. Поэтому правительство и об'являет крамольниками, тащит в тюрьму, казнит, убивает солдатскою и казацкою рукою всех тех, кто стоит за полное народовластие, кто распространяет в народе эту мысль. Итак, казак, ты знаешь, что рабочие и крестьяне, — соль народа, — заклятые враги самодержавного, не ответственного перед

народом, правительства. А ты, казак, разве не чувствуешь гнета самодержавного правительства? Разве тебе на родине хорошо живется? Разве правительственные власти не следят за каждым твоим шагом? Разве у вас есть истинное народное самоуправление? Разве миллионы войсковой земли не находятся в бесконтрольном хозяйничании у всевозможного войскового начальства? Нет и тысячу раз нет. Разве не казаку приходится чуть ли не полжизни отдавать на служение правительству, неведомо зачем? Разве не казак отдает последние гроши для снаряжения сына на военную службу? А теперь как живется казаку? Весь русский народ восстал против самодержавных опричников, он хочет жить новой жизнью, он хочет свою судьбу взять в собственные руки, и вот его непримиримый враг — правительство — выставляет против него солдата. Но солдатское повиновение становится все более ненадежным, последние царские опоры рушатся. Правительство вспомнило, что у него есть еще казак. И теперь, казак, именем которого матери уже пугают детей, калечит и убитает русский забитый народ, не обращая внимания ни на пол, ни возраст. Самодержавное правительство оторвало казаков от их семей, сделало их палачами трудового народа, борющегося за свободу, за лучшую жизнь. Казацкие семьи, лишенные по «милости» царского правительства своих работников, скоро принуждены будут голодать и уже голодают. Они голодают во имя стремления кучки мучителей России питаться потом и кровью народа. Угнетенный, бесправный, оторванный от своей голодающей семьи окровавленными руками разбойничьего правительства казак натравливается на бесправного же, голодного своего брата, рабочего и крестьянина. Проснись казак! Раскрой пошире глаза и ты увидишь, что общий враг, населяющих нашу родину, — самодержавное правительство. Многие казаки уже поняли, что восставший народ хочет счастья себе и тебе, казак, что он не хочет быть рабом, не может дольше голодать, что он хочет жить по человечески; они поняли, что они, казаки, не должны мешать народу добиваться лучшей жизни, что ненавистное правительство и их давит, делает их убийцами народа. Эти прозревшие казаки отказываются от несения полицейской службы, они хотят быть свободными гражданами наравне с остальным русским народом, клянутся вместе с ним бороться с кровожадным правительством «за лучший мир, за святую свободу». Последуй и ты, казак, их примеру!

Долой самодержавное правительство!

Да здравствует освобождающийся русский народ!

Кубанский комитет Р. С.-Д. Р. П.

Печатается с сохранением орфографии.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

КАЗАЧЬЯ ПАМЯТКА.

Казак, помни, что ты на смерть идешь.

Не увидать тебѣ больше ни отца, ни матери, ни жены, ни дѣтей. Забудь их, казак, не вспоминай!

Забудь своих братьев и сестер. Забудь родных и товарищей. Они с голоду умирать будут, они в рубищѣ ходить будут. Забудь, казак! Помни, ты на смерть идешь.

Тебѣ заповѣдь Христова говорит — не убій! Забудь, начальство тебѣ велит убивать!

Тебѣ заповедь Христа говорит — чти отца и мать. Забудь, на службѣ царской, если начальство прикажет, ты должен стрѣлять и в отца, и в мать.

Ведут тебя на японскаго крестьянина, ведут тебя и на собственнаго брата мужика или рабочаго. Ведут усмирять народ. Когда ты ружье подымешь к прицѣлу, помни — в твоей станицѣ или в твоем родном городѣ такой же, как и ты, казак в это время быть может ружье подымает на твоего родного отца и брата! Если все-же рука твоя не дрогнет, стрѣляй! Это, значит, что потерял ты и память и совѣсть и стал безчувствен, как холодный кинжал, обмытый кровью.

Стрѣляй, казак! Отцу и брату стрѣляй в глаза, матери и сестрам — в сердце! Чтобы не видѣли глаза отцовскіе, на кого ты руку подымаешь! Чтобы не болѣло сердце материнское о том, до чего пришлось дожить.

Убивай, казак! Дави конем жен беззащитных и дѣтей! Такова воля царская.

Казак, помни: в воскресенье 9-го января прошлаго 1905 года шел русскій народ к царю. Он шел к нему с надеждой и преданностью, как дитя к своему отцу. Шли сотни тысяч рабочих, а с ними жены их и дѣти. Впереди шел священник с крестом.

Народ хотѣл повѣдать царю свое горе. Он нес к царю также твое горе, казак, горе всѣх трудящихся и обездоленных людей.

А в отвѣт на это, по повелѣнію царя, в беззащитную толпу грянули пушечные залпы...

Вот как православный царь говорит с народом!

Вот он, побѣдоносный русский царь — он побѣды одерживает над женщинами и дѣтьми.

Вот он царь народолюбец—он залил кровью своего народа улицы своей столицы и наполнил рабочія квартиры вдовами и сиротами.

Стон и плач идут по всей русской землѣ. Казак, ты слышишь ли? То плачут жертвы царской расправы, то стонет народ под

рабским ярмом. В госпиталях лежат окровавленныя тѣла — не враг их изранил, а рабочія руки русскаго казака и солдата.

Вдумайся, казак! Кто твой враг и где он?

Ты — сын народа. Мирный труженик — твой друг. Или царские барабаны отбили тебѣ слух и память, и ты не знаешь больше, откуда ты родом? Когда кончится служба, ты вернешься домой, а если не домой, то все же к рабочему люду. Твои родные, твои старые или новые товарищи тебя спросят: „когда в нас цѣлили казацкія ружья, ты гдѣ был?“ тебѣ скажут: „не ты ли тот, который убил моего брата?“ И если ты слушался царской команды и убивал народ, то матери на тебя будут указывать своим дѣтям и говорить: „Смотрите, вон тот, который нас сдѣлал сиротами! Вот эта рука всадила пулю в грудь вашего отца!“ А если этого тебѣ люди не скажут, то скажет тебѣ твоя совѣсть. Ты увидишь собственными глазами несчастных жертв царской расправы, увидишь нищих-дѣтей и калѣк, и ты вспомнишь, как ты стрѣлял в народ и работал кинжалом и нагайкой.

Ты сын народа. Поэтому, когда ты вернешься к народу, то в тебя самого будут стрѣлять казацкія ружья.

Не народ твой враг, твой враг тот, кто тебя заставляет стрѣлять в народ.

Враги народа — твои враги.

Не иди против народа, а иди с народом против его и твоих врагов.

Казаки, великое дѣло затѣял русский народ и зовет вас к себѣ. Народ подымается в городах и во всей странѣ, чтобы завоевать Россіи свободу и политическія права. Надо прежде всего свергнуть царя палача и назначить народное правительство. Казаки, если вы пристанете к народу, то это дѣло будет сдѣлано. Если вы за народ, то никто не может пойти против народа.

Казаки, наберитесь мужества! Не дайте себѣ туманить головы. Отказывайтесь стрѣлять в народ.

Если офицеры будут стрѣлять в народ, стрѣляйте в офицеров.

Переходите на сторону народа, становитесь в его ряды и с ним за одно идите к другим полкам звать их на общее дѣло с народом.

Казак, помни, пред тобой одно из двух: либо стать убійцей, народным палачем и остаться прямым рабом, быть может умереть за царя на войнѣ, либо завоевать себѣ и всему русскому народу свободу и права. Другого выбора нѣт.

ДВА СТАНА.

В мірѣ два стана, нещадно воюющих:
В первом с побѣдно поднятой главой
Сонмы веселых, безпечных, ликующих,
Сытых, довольных собой;

Сонмы терзающих силы народныя,
Нагло сосущих народную кровь,
Топчущих в грязь все святое, свободное —
Честь, идеал и любовь.

С сердцем заплывшим, душой пресыщенною,
Всюду вносят с собой ложь и разврат,
Все попирают стопой загрязненною,
Куплей-продажей клеймят.

Совѣсть и честь у них — звуки забытые,
Изгнаны правда, любовь, идеал,
Соки народные, в золото слитые —
Вот гдѣ их бог, их Ваал!

Вѣчная праздность, разгул нескончаемый,
Пьянство, обжорство, безстыдный разврат,
Наглая ложь, произвол нескрываемый,
Здесь безраздѣльно царят..

В станѣ другом милліоны страдающих,
Стонущих тяжко под гнетом оков,
Счастья незнающих, роком обиженых,
Цѣпи влачащих рабов;

Вѣчно надломленных, вѣчно униженных,
Молотом, ломом, пилой, топором
Жизнь и здоровье свое надрывающих
Над непосильным трудом;

Хищныя стаи жестоких мучителей,
Алчных вельмож и жестоких царей,
Царских холопов, чиновных грабителей
Кровью питают своей..

Только не вѣчно им рабство позорное,
Гнет ненавистный нести, —
Кончится скоро молчанье упорное, —
И задрожат палачи!

Близок уж час, уж борьба разгорается,
Мрак безпросвѣтный не так уж гнетет:
Это свободы заря занимается,
Это народ возстает!..

Кубанскій Комитет Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи.

Прочитав, передайте товарищам.

Типографія Кубанскаго Комитета. Напечатано 10.000 экз.

Печатается с сохранением орфографии.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

№ 4.

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

К солдатам и казакам, возвращающимся с Дальняго Востока.

Братья солдаты и казаки! Вас привѣтствуют, к вам обращаются рабочіе; к вам обращаются и всѣ тѣ, кто стоит за одно с ними.

Выслушайте-же нас! Вот вы увидите послѣ долгих мѣсяцев разлуки родную землю. Страшныя дѣла за ваше отсутствіе творились на ней, творятся и теперь.— В то время как вы, оторванные от родины, страдали и погибали в войнѣ на полях далекой Манчжуріи под командой неспособных генералов-казнокрадов, здѣсь на родной землѣ началась другая война.

Мало было царскому правительству и шайкѣ грабителей навязать народу преступную войну с Японіей,— оно об'явило войну самому народу, когда тот заговорил с правительством, как хозяин, а не как подневольный раб.

Долго помыкало царское правительство народом, долго оно издѣвалось над ним, долго обирало его,— народ молча терпѣл.

Но вот правительство затратило сотни милліонов рублей народных денег, угнало не на бой, а на убой сотни тысяч работников, кормильцев семей и загубило их там,— народ не стерпѣл.

Он потребовал, чтобы не было войны, потребовал к отвѣту правителей за все зло, которое причинили они всему русскому народу.

Уперлось правительство, не захотѣло оно и на этот раз выслушать требованій народа. Тѣх, кто только говорил об этом, сажали в тюрьмы, тѣх-же, кто, как Петербургскіе рабочіе 9 января, шли к царю за правдой,—тѣх встрѣчали пулями, штыками и саблями. И зогорѣлась война, которая называется теперь Великой Россійской Революціей. Только не Японец с Русским воевал, а Русскій народ стал воевать с царским правительством, со своими грабителями, насильниками

Первыми возстали рабочіе. Не захотѣли они сносить больше тяжелаго ярма, которое надѣла на них правительственная свора мошенников и грабителей вкупѣ и влюбѣ с заводчиками и фабрикантами. В Питерѣ, Москвѣ, Одессѣ, в Баку и Тифлисѣ, в Варшавѣ, Лодзи и многих других городах открыто выступили рабочіе против ненавистных насильников, требуя прекращенія войны, возвращенія арміи из Манчжуріи и свободы для всего народа.

Поднялись и крестьяне. Не стало у них мочи терпѣть, чтобы земля принадлежала их старым, давнишним врагам — помѣщикам, не в моготу и им стал произвол помѣщичьяго правительства: потребовали и они себѣ земли и вольной жизни. В Саратовской, Черниговской, Лифляндской, Курляндской, Тифлисской, Кутаисской, Харьковской и многих других губерніях поднялись крестьяне против своих вѣковых притѣснителей.

Поднялись и матросы Черноморскаго и Балтійскаго флотов. Заговорили выведенные из терпѣнія солдаты и казаки (Урупцы, пластуны и проч.). И им также не в моготу стало дольше выносить издѣвательства и гнет царских чиновников.

Долго боролось царское правительство, долго без всякого удержу разстрѣливало, вѣшало, пороло, изувѣчивало, ссылало в каторгу, заключало в тюрьмы.

Но оно не устояло. Стиснутое со всѣх сторон возставшим народом сразу по всей Россіи в октябрѣ оно вынуждено было дать обѣщаніе исполнить то, что требовал народ.

Был дан манифест. Народ не повѣрил обѣщаніям правительства, не повѣрил тѣм, которые только что перед этим стрѣляли, вѣшали, всячески издѣвались над народом, а теперь обѣщают всякія вольности. И народ не ошибся.

Сейчас-же вслѣд за царским манифестом правительством были устроены погромы и избіенія по всей Россіи. Снова возстал народ и потребовал, чтобы не было правительства, назначеннаго царем, а было правительство, избранное самим народом.— Не захотѣли оставлять насиженных мѣст насильники, жаль им было отказаться от многотысячных окладов.

В защиту они пустили в ход пушки, пулеметы, штыки, сабли. При помощи их и одураченных войск правительство одолѣло народ: оно отняло всѣ свои октябрьскія обѣщанія (манифест от 20 февр.) и начало страшную месть.

Послушайте-же, братья, что теперь дѣлается на родинѣ! Что вы найдете в родных мѣстах послѣ разлуки. Страшно сказать!

В то время, как больше половины Россіи голодает,— повсюду по деревням крестьяне мрут, как мухи, от цынги, голоднаго тифа,— дворяне-помѣщики и царское правительство — министры, генерал-губернаторы, заливают русскую землю кровью, застилают ее трупами, зажигают со всѣх концов.

Не щадят ни старых, ни молодых, ни женщин, ни дѣтей!

Найдете-ли вы родную деревню, которая уцѣлѣла-бы от наѣзда диких шаек? Если не ваша, то окрестная. Найдете-ли вы родных, которые не извѣдали-бы всяческаго глумленія, издѣвательств, насилій, розог, разграбленія остатков бѣднаго хозяйства. Вѣдь теперь даже за невзнос податей правительство посылает казаков, драгун, гвардейцев разорять такія деревни.

Пойдите в города! Найдете-ли вы хоть один город, улицы котораго не были бы обагрены кровью? Найдете-ли вы хоть

одну фабрику, один завод, гдѣ-бы вам не разсказали, как лишались рабочіе своих товарищей — убитых, раненых, заключенных в тюрьмы, высланных, безжалостно разсчитанных.

Разскажите и вы всѣм, что вы перенесли. И поймет вас народ, как и вы его поймете. Близок день новаго открытаго возстанія. Измученный народ ждет вашей поддержки. Так смѣлѣй-же в бой, братья, рука об руку с возставшим народом против общих презрѣнных поработителей и угнетателей.

Обратитесь к русской арміи! Только она одна теперь по своему невѣденію, одураченная и опутанная присягою, начальством, поддерживает правительство. Научите вы ее, вы, только что бывшіе солдаты, вы к ней ближе, она вас поймет.

Будем вмѣстѣ добиваться Всенароднаго Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Это — верховный суд, избранный всѣм народом. Оно только может разсудить все, что происходит теперь на русской землѣ.

Оно одно, а не Государственная Дума жалкая, безправная, безпомощная, избранная далеко не всѣм народом, не имѣющая даже права говорить от всего народа.— Тѣснѣе смыкайтесь с возставшими рабочими, возставшим крестьянством, образуйте могучую народную революціонную армію.— Мы силой вырвем у правительства Всенародное Учредительное Собраніе посредством всеобщаго вооруженнаго возстанія.

Смѣлѣй! Скорѣй! Время не ждет!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собраніе!

Да здравствует Всеобщее Вооруженное Возстаніе!

Да здравствует Союз арміи с Народом!

Кубанскій и Черноморскій Комитеты
Сѣверо-Кавказскаго Союза.

Типографія Кубанскаго комитета Апрѣль 1906 г. Отпечатано 5 тысячь экз.

Цена 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ростов-Дон, ул. Ф. Энгельса № 90.
Москва, Ильинка, Богоявленский пер. 4, Торгсектор ГИЗ'а, ком. № 18